

С. Б. Жарко, А. В. Мартынюк

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РУСЬ

*Допущено Министерством образования
Республики Беларусь в качестве учебного пособия
для студентов исторических специальностей учреждений,
обеспечивающих получение высшего образования*

Минск
БГУ
2003

УДК 947.03(075.8)
ББК 63.3(2)43я73
Ж35

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор *В. А. Федосик*;
кандидат исторических наук, доцент *Л. Л. Михайловская*

Научный редактор профессор *О. А. Яновский*

Жарко С. Б.
Ж35 История восточных славян. Монгольское нашествие на Русь: Учеб. пособие / С. Б. Жарко, А. В. Мартынюк; Науч. ред. О. А. Яновский. – Мн.: БГУ, 2003. – 108 с.: ил. ISBN 985-485-037-4.

В учебном пособии изложена история монгольского нашествия на Русь в XIII веке. Исследуются состав и численность армии хана Батыея, определяются и характеризуются этапы монгольских походов в Восточную Европу, выясняются причины поражения русских княжеств в борьбе с завоевателями. События монгольского нашествия проанализированы в контексте всей завоевательной политики монголов XIII века. В приложении опубликованы фрагменты из китайской хроники «Юань ши» в переводе на русский язык.

Предназначено для студентов исторических специальностей. Будет полезно аспирантам и преподавателям исторических факультетов, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

УДК 947.03(075.8)
ББК 63.3(2)43я73

ISBN 985-485-037-4

© Жарко С. Б., Мартынюк А. В.,
2003
© БГУ, 2003

ВВЕДЕНИЕ

В 20–30-е гг. XIII в. монгольские войска под предводительством хана Батыя, внука Чингис-хана, вторглись на территорию Восточной Европы, а затем и на русские земли. Завоеватели нанесли поражение русским княжествам и разгромили наиболее значительные княжеские центры Древней Руси – Рязань, Суздаль, Владимир, Переяславль, Чернигов, Киев, Владимир-Волынский, Галич и др. Русские князья были вынуждены признать верховную власть монгольских ханов над Русью, и на несколько столетий русские земли попали в тяжелую зависимость от созданного завоевателями государства – Золотой Орды (Улус Джучи в восточных источниках). Таким образом, монгольское нашествие явилось событием, оказавшим значительное влияние на исторические судьбы восточных славян и других народов Восточной Европы. В исторической литературе завоевательные походы хана Батыя традиционно рассматриваются как важная веха, завершающая эпоху существования единой Древней Руси. Без внимательного изучения истории монгольского нашествия невозможно ответить на вопрос о политических, социальных, экономических и культурных переменах, последовавших на Руси после монгольского завоевания, и образования Золотой Орды, о влиянии монголов на характер развития восточнославянских народов в широкой исторической перспективе.

Исследования по данной теме никогда не теряли своей актуальности, что делает целесообразным обращение к ней в учебном пособии, предназначенном для студентов исторических факультетов.

Целью данного пособия является развернутое изложение истории монгольского нашествия на Русь в XIII в., критическое рассмотрение сведений исторических источников, всесторонний анализ ряда противоречивых и спорных вопросов этого события и существующих в историографии различных точек зрения на характер и последствия монгольских завоеваний. Авторы сочли необходимым в приложении к данному пособию дать некоторые учебные материалы, а также выдержки из малодоступного первоисточника, в котором содержатся сведения о походе монголов в Восточную Европу (хроника правившей в Китае монгольской династии Юань). Это позволит более

углубленно рассмотреть целый ряд аспектов исследуемой проблематики, поможет подтолкнуть читателей, прежде всего студентов, к поиску информации по предлагаемым сюжетам и к самостоятельной научной работе. В списке литературы приведены основные источники и наиболее важные исследования по истории нашествия хана Батия на Русь и монгольских завоеваний в целом.

Прежде чем приступить к изложению материала, необходимо уточнить некоторые вопросы терминологического характера. На страницах русских летописей и в большинстве европейских средневековых источников монгольские войска XIII в. именуется «татарскими», по имени одного из народов, покоренных монголами в начале их завоеваний. Татарами называли всех кочевников Центральной Азии и средневековые китайские авторы, выделяя «белых, черных и диких татар». Это привело к тому, что в историю народов Восточной Европы завоеватели вошли под именем татар. Следуя историографической традиции, многие авторы (В. Н. Татищев, С. М. Соловьев, В. В. Каргалов и др.) называют нашествия 1223 г. и 1237–1240 гг. «татарскими», что является не вполне точным, так как верхушка знати, которая направляла эти походы, происходила из монгольских племен, а основную воинскую силу, подчинившую Русь в XIII в., составляли кочевые народы различного происхождения (монголы, татары, найманы, керейты, кипчаки, канглы и др.). Во избежание путаницы в данном вопросе историк первой половины XIX в. П. Н. Наумов ввел в научный оборот словосочетание-термин «монголо-татары», т. е. монголы, называемые татарами. Иногда в научной литературе встречается и термин «татаро-монголы». Авторы данного пособия, опираясь на мнения исследователей этой проблемы (Г. В. Вернадского, Е. И. Кычанова, В. В. Трепавлова и др.) и сообразуясь с историческими реалиями XIII в., полагают, что наиболее корректным при описании событий нашествия на Русь хана Батия будет употребление термина «монголы», поскольку именно так именовали себя сами завоеватели.

Монгольские имена даются в принятом в отечественной историографии написании (Чингис-хан, Угедей, Субедей, Джебе и т. д.). Следует отметить, что в научной литературе встречаются и иные варианты написаний, особенно в переводах с иностранных языков, когда авторы перевода стараются более точно передать фонетические особенности источника (см., например, выдержки из «Юань ши» в приложении к данному пособию).

Г л а в а I

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Изучение монгольского нашествия имеет многовековую историю. Оно началось с того далекого времени, когда летописцы – современники нашествия – описывали события «Батыева погрома» и пытались оценить обрушившееся на Русь бедствие. Все летописи, независимо от их идейной направленности, называют монгольское нашествие страшным бедствием для Русской земли, «злом христианам». Однако уже в первые десятилетия после «Батыева погрома» прослеживается особенность, характерная для последующей историографии этого вопроса: стремление подчинить освещение событий непосредственным политическим целям. При анализе записей о нашествии Батыя в различных летописных сводах заметно различное отношение летописцев к событиям. Если в южнорусской летописи всячески подчеркивались жестокость монголов и их вероломство, то суздальский летописец, отражавший примирительную по отношению к Орде политику северорусских князей, повествует о нашествии Батыя значительно более сдержанно и склонен видеть основную причину поражения русских князей в их «неодиначестве» и постоянных междоусобицах.

Новые тенденции в оценке монгольского нашествия начинают складываться в процессе борьбы с татарами в XIV–XV вв. В московском летописании утвердилось представление о разрушительном характере вторжения Батыя, о периоде монгольского господства как о времени угнетения, разжигания ордынскими ханами княжеских усобиц и «неустроения» Руси. Это время противопоставляется и домонгольской истории Руси, и времени объединения русских земель «под рукой» великого московского князя.

Монгольское нашествие в трудах дореволюционных российских историков. Первая попытка дать общую картину событий монгольского нашествия и оценить его роль в истории Руси относится к XVIII – началу XIX в. (В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин). В «Истории Российской»

В. Н. Татищева содержится подробное описание событий завоевательных походов Батыя, представляющее собой обширную сводку летописного материала. Научная добросовестность В. Н. Татищева дает возможность в ряде случаев использовать его сочинение как исторический источник, тем более что часть сообщаемых им сведений не сохранилась в других известных списках летописей. Появление «Истории Российской» во многом определило дальнейшее развитие историографии монгольского нашествия, предоставив в распоряжение историков ценнейший пласт фактического материала. Исследователи XVIII – начала XIX в. систематизировали летописные материалы по истории нашествия, поставили вопрос о влиянии монгольского завоевания на историческое развитие русских земель. Однако создать обобщающую концепцию по этому вопросу дворянские историки не смогли. Серьезным недостатком исследований В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и других была относительная узость источниковой базы: они опирались почти исключительно на сведения русских летописей. Восточные же источники (арабские, персидские, китайские) по истории монгольских завоеваний еще не были введены в научный оборот.

Дальнейшее развитие проблема монгольского нашествия получила в трудах известных российских историков XIX в. М. И. Иванина и С. М. Соловьева. Работа М. И. Иванина «О военном искусстве и завоеваниях монголов», в которой впервые была сделана попытка осмыслить события похода Батыя с точки зрения военного историка, явилась значительным вкладом в историографию данного вопроса. В книге содержится много интересных сведений об этапах монгольского нашествия на Русь, об особенностях тактики кочевников, о боевых качествах монгольской конницы и т. д. Книга М. И. Иванина в настоящий момент в значительной степени устарела, однако она заложила основы изучения военного искусства монголов в отечественной историографии. Что касается С. М. Соловьева, то его в основном интересовало внутреннее развитие русского общества накануне и после монгольского завоевания. Самому завоеванию С. М. Соловьев в «Истории России» не уделил достаточного внимания, оно, по его мнению, не прервало закономерного хода исторического развития Руси.

Развитие историографии нашествия Батыя в первой половине XIX в. характеризуется прежде всего дальнейшим расширением источниковой базы. К этому времени на русском языке были опубликованы обширные выдержки из «Истории монголов» французского востоковеда Д'Оссона, содержавшей много свиде-

тельств восточных авторов. Ряд новых восточных источников было введено в научный оборот и И. Н. Березиным, который опубликовал их с подробными комментариями, объяснением исторических терминов и географических названий.

Российская историография второй половины XIX в. не внесла ничего принципиально нового в исследование монгольского нашествия на Русь. Для работ Н. И. Костомарова, Н. Г. Устрялова, В. О. Ключевского, Д. И. Троицкого характерно отсутствие новых идей в освещении событий похода Батыя и его последствий для русских княжеств, возвращение к уже известным фактам и оценкам.

Подводя итоги развития историографии монгольского нашествия в XVIII–XIX вв., можно отметить, что историки накопили значительный фактический материал о завоевании армией Батыя Руси, сделали ряд ценных наблюдений и интересных выводов по частным вопросам темы и анализу документов. Однако источниковая база была недостаточной: мало использовались восточные источники, почти не привлекался к исследованию археологический материал.

Изучение истории монгольских завоеваний в советский период. Взгляды советских историков на монгольское нашествие и его последствия для Руси складывались в процессе переработки накопленного предшественниками фактического материала в соответствии с новыми идеологическими установками. Важное значение придавалось «борьбе с теориями реакционных зарубежных историков» и критике взглядов эмигрантской исторической школы евразийцев, наиболее ярким представителем которой являлся профессор Г. В. Вернадский. Получил дальнейшее развитие поставленный еще в XIX в., но вызывающий до сих пор жаркие споры среди исследователей вопрос «о всемирно-историческом значении героической борьбы русского народа против татаро-монгольских завоевателей, спасшей страны Центральной и Западной Европы от разгрома кочевниками». Советская историография выработала единый взгляд на последствия монгольского нашествия как на страшное бедствие для русского народа, надолго задержавшее экономическое, политическое и культурное развитие Руси, поставила вопрос «об особенностях классовой борьбы в условиях иноземного ига и ее роли для сохранения русским народом возможностей самостоятельного исторического существования». Несмотря на определенную идеологизированность, советская историография этого периода внесла много нового в изучение монгольского нашествия, существенно расширила источниковую базу исследований по данной проблема-

тике. Советскими историками и востоковедами были выполнены и опубликованы переводы большого количества письменных источников, содержащих сведения о монгольском нашествии на Русь.

Послевоенный период развития советской историографии характеризовался прежде всего широким привлечением к исследованиям археологического материала, что позволило ученым решить многие вопросы, считавшиеся ранее дискуссионными. Археологами были воссозданы картины гибели ряда русских городов под ударами армии монголов, был показан на археологическом материале экономический и культурный упадок Руси после «Батыева погрома».

В целом же к середине 60-х гг. XX в. было издано большое количество научных и научно-популярных работ советских историков, в которых давался общий очерк нашествия и его оценка, содержалось много интересных наблюдений и выводов, основанных на привлечении археологических данных. Однако специального исследования о монгольском нашествии на Русь не было. Этот пробел был восполнен В. В. Каргаловым в его работах «Монголо-татарское нашествие на Русь» и «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси». Основываясь на критическом анализе всей суммы летописного материала, использовании восточных и западноевропейских источников, широком привлечении археологических данных, В. В. Каргалов сумел создать полномасштабную картину нашествия Батыя и убедительно ответить на ряд спорных и малоизученных вопросов. Исследования в этой области были продолжены советскими учеными в коллективном сборнике «Татаро-монголы в Азии и Европе», где монгольское нашествие на Русь впервые было рассмотрено на общем фоне завоевательной политики монголов в XIII в. Большое внимание в советской историографии традиционно уделялось и проблеме взаимоотношений Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. В этой связи следует назвать исследования А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, М. Г. Сафаргалиева, М. Д. Полубояриновой, В. Л. Егорова и других исследователей.

На протяжении ряда лет выводы, сделанные В. В. Каргаловым относительно событий монгольского нашествия на Русь, считались весьма авторитетными и почти не подвергались критике в советской историографии. Однако в последнее время в научных трудах некоторых российских и зарубежных историков наметилась тенденция, направленная на пересмотр устоявшихся взглядов и выводов, были выдвинуты новые оригинальные концепции и идеи. Например, Л. Н. Гумилев поставил под сомнение не толь-

ко вопрос о всемирно-историческом значении героической борьбы русского народа против монгольских завоевателей, но и сам факт этой борьбы. Однако идеи Л. Н. Гумилева не нашли отклика среди историков прежде всего из-за свойственной этому ученому некоторой публицистичности стиля и недостаточной научной корректности при аргументации своих построений. Более весомой представляется точка зрения Д. Феннела – признанного главы западноевропейских славистов, профессора Оксфордского университета. В своей книге «Кризис средневековой Руси» Д. Феннел критически рассмотрел сведения русских летописей о монгольском нашествии и выдвинул положение о том, что завоевательные походы монголов в 1237–1240 гг. оказали не такое разрушительное влияние на внутреннюю жизнь Руси, как принято считать. Критические работы Д. Феннела и некоторых других авторов заставили российских историков вновь обратиться к изучению истории монгольского нашествия на Русь.

Современное состояние историографии монгольского нашествия. В последнее время внимание исследователей было направлено не только на изучение истории монгольских завоеваний на Руси и в Восточной Европе, но и на историю Монгольской империи XIII в. в целом. В работах Е. И. Кычанова, Ю. С. Худякова, В. В. Трепавлова, Т. Д. Скрынниковой ставятся вопросы о генезисе монгольской государственности, причинах монгольской экспансии, организации монгольской армии и управления завоеванными территориями. Такой взгляд позволяет значительно более глубоко осмыслить феномен завоевательных походов монголов, по-новому осветить многие аспекты нашествия хана Батыя на Русь. Так, например, большого внимания заслуживает книга Ю. С. Худякова «Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья», в которой военное дело монголов рассматривается в контексте развития военных традиций и военного искусства других народов Центральной Азии. Вышли и новые работы, посвященные отношениям Руси и Золотой Орды: Ю. В. Кривошеева, А. А. Горского и др.

Следует отметить и труды зарубежных авторов, прежде всего классические работы таких известных историков, как Р. Груссе, Б. Шпулер, М. Вайерс, П. Рачневский. В коллективном сборнике под редакцией М. Вайерса «Монголы» (на немецком языке) дается широкая картина истории монголов в средние века, анализируются предпосылки создания Монгольской империи и причины военной экспансии монголов, рассматривается история монгольских улусов, возникших после распада единой державы – импе-

рии Юань (Монголия и Китай), Чагатайского улуса (Средняя Азия), Ильханата (Иран) и Золотой Орды (Восточная Европа). К сожалению, до сих пор отсутствует как перевод этой и других книг вышеназванных авторов на русский язык, так и перевод наиболее значительных работ российских историков и востоковедов на иностранные языки. Данное обстоятельство существенно тормозит развитие исследований по монгольской проблематике.

Помимо научных трудов по истории монгольских завоеваний в последние годы опубликовано много научно-популярных или просто популярных работ, посвященных событиям монгольского нашествия на Русь. Зачастую подобные работы, рассчитанные на массового читателя, содержат малообоснованные предположения, не подкрепленные данными источников, и формируют у читателей искаженное представление о прошлом. Кроме того, не только работы популярного характера, но и научные труды историков по многим вопросам нашествия Батыя содержат различные, часто противоречащие друг другу точки зрения, а иногда и явно ошибочные выводы. Существует масса спорных и малоизученных вопросов, решение которых является первоочередной задачей для исследователей. Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что в современной историографии нет единого научно обоснованного взгляда на историю монгольского нашествия, а выработать его необходимо.

Историография монгольского нашествия на Русь весьма обширна. В рамках данного учебного пособия невозможно дать ее полное рассмотрение и анализ. Подобная информация имеется как в специальных работах историков, так и в соответствующих разделах общих исторических трудов. Целью данного учебного пособия является прежде всего рассмотрение спорных и нерешенных вопросов в историографии нашествия Батыя на русские земли (организация и численность монгольской армии перед ее вторжением в Восточную Европу, стратегические замыслы монгольских военачальников, датировка некоторых событий, ход боевых действий и т. д.) и прояснение, по возможности, исторической истины путем тщательного анализа имеющихся первоисточников и использования достижений современной исторической науки.

Источники по истории монгольских завоеваний. Как упоминалось выше, в историографии монгольского нашествия на Русь имеют место весьма спорные мнения, а также выводы и концепции, построенные на ошибочных предположениях или на фактах, достоверность которых можно поставить под сомнение. Только опираясь на достоверные факты и суждения, подкреплен-

ные критическим анализом заслуживающих доверия источников, можно дать объективные оценки и сделать выводы, имеющие научную и познавательную ценность. Поэтому особое внимание ниже будет уделено состоянию источников по истории монгольских завоевательных походов. Подробный очерк источниковой базы призван помочь формированию у студентов представления о том объеме информации, которую необходимо учитывать при изучении истории монгольских завоеваний и оценке их последствий. Не лишним будет еще раз отметить, что достижению желаемого результата может способствовать только строгая научная фактология и скрупулезный анализ источников.

Источники, содержащие сведения о монгольском нашествии на Русь и завоевательных походах монголов в XIII в. в целом, достаточно многочисленны и разнообразны. О нашествии писали и русские летописцы, и персидские историки, и авторы западноевропейских хроник, и монахи-миссионеры, путешествовавшие в ставку великого хана Монгольской империи, и составители официальных китайских династических историй. Часто сведения источников отрывочны и фрагментарны, но, рассмотренные в комплексе, они дают довольно подробную картину монгольских завоеваний.

Русские летописи. Известия русских летописей являются наиболее важным источником при изучении событий монгольского нашествия на Русь в XIII в. Они дают возможность проследить основные этапы монгольского вторжения и выяснить направление ударов завоевателей, характеризуют последствия нашествия для русских земель и рисуют подробную картину отношений русских княжеств и Золотой Орды в последующий период. Сравнительный анализ летописных сводов различной идейной направленности позволяет восстановить объективную картину нашествия Батыя, уточнить датировку событий. Использование русских летописей как основного источника исследования облегчается тем, что историческая наука накопила значительный опыт по критическому анализу летописных сводов, выделению из состава более поздних редакций первоначальных текстов, оценке достоверности их известий.

Летописные источники по данной теме можно условно разбить на три основные группы. Во-первых, это летописные своды Владимиро-Суздальской Руси. Прежде всего в этой связи следует назвать Лаврентьевскую летопись [переписана монахом Лаврентием в 1377 г., откуда ее название; опубликована в Полном собрании русских летописей (ПСРЛ), т. I]. Летопись доведена до 1305 г., в описании событий XIII в. она основывается на официальной Владимир-

ской великокняжеской летописи, местном летописании города Ростова и некоторых других известиях. Данная летопись дает наиболее развернутое и подробное описание событий монгольского нашествия на земли Северо-Восточной Руси и последующих взаимоотношений русских княжеств с татарами. Значительный интерес представляют и некоторые летописные своды Северо-Восточной Руси более позднего происхождения, в которых сохранились свидетельства ранних утраченных летописных памятников. Таковы Московско-академическая летопись XV в. (ПСРЛ, т. I, вып. 3), Московский свод конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV), Никоновская летопись XVI в. (ПСРЛ, т. IX/X) и некоторые другие.

Во-вторых, большое значение для изучения монгольских завоеваний на Руси и событий XIII в. в целом имеет новгородское летописание, прежде всего Новгородская первая летопись (НПЛ). Старшая редакция этой летописи, представленная Синодальным списком конца XIII – начала XIV в., является древнейшей дошедшей до нас русской летописной рукописью. В составе НПЛ содержатся чрезвычайно ценные сведения о битве на реке Калке, о нашествии Батые на земли Северо-Восточной Руси (исследователи предполагают, что в этой части летописи сохранились сведения, восходящие к не дошедшему до нас рязанскому летописанию), о политике монголов в отношении русских княжеств в 50 – 60-е гг. XIII в., в частности, о проводимой монголами в 1257 и 1259 гг. переписи населения в русских землях.

В-третьих, значительный интерес представляет южнорусская летописная традиция, которая отразилась в Ипатьевском летописном своде (список начала XV в., ПСРЛ, т. II), в составе которого выделяется Галицко-Волынская летопись, содержащая описание событий в Галицком и Волынском княжествах с 1201 г. по 1292 г. В этой своей части сведения Ипатьевской летописи представляют большой интерес, так как летопись написана современниками событий, близкими к князю Даниилу Романовичу Галицкому и его потомкам. Она подробно повествует о первом столкновении с монголами на реке Калке, о разорении Батыем южнорусских городов, о политической ситуации в южных землях Древней Руси в 40-е и 50-е гг. XIII в., о попытках князя Даниила организовать сопротивление монголам и его взаимоотношениях с ханом Батыем и монгольскими наместниками Кавгадыем и Бурундаем. Ипатьевская летопись является выдающимся памятником древнерусской литературы, она богата подробностями и реалистичными описаниями событий, восходящими, как можно предположить, к свидетельствам очевидцев.

Кроме летописей, свидетельства о монгольском нашествии и политике Золотой Орды на Русь содержат и некоторые другие произведения древнерусской литературы XIII в.: «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского», «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора», поучения епископа Владимирского Серапиона. Данные этих источников существенно дополняют летописные известия и позволяют реконструировать восприятие монгольского нашествия в общественно-политической мысли Руси того времени.

Монгольские источники. Важные сведения по истории монгольских завоеваний в XIII в. содержат немногочисленные собственно монгольские источники. В первую очередь следует указать на «Сокровенное сказание» (другое название – «Тайная история»), единственный памятник монгольской литературы того времени. Этот ценнейший источник был обнаружен и введен в научный оборот русским исследователем Палладием Кафаровым в XIX в. На русском языке полный текст «Сокровенного сказания» был впервые издан в 1941 г. С. А. Козиным. Необходимо отметить то обстоятельство, что «Сокровенное сказание» сохранилось лишь в записи на монгольском языке в транскрипции китайскими иероглифами. Это существенно осложняет работу с источником: от реконструкции оригинального монгольского текста, которая еще не завершена, зависит как точное понимание содержания памятника, так и его перевод на другие языки. Таким образом, анализ данных «Сокровенного сказания» требует учета различных вариантов перевода и предлагаемых исследователями семантических уточнений.

По мнению большинства исследователей, данный памятник был составлен около 1240 г. в ставке великого хана Угедая. «Секретной», или «тайной», историей он был назван потому, что предназначался лишь для членов ханского рода и узкого круга высшей монгольской знати. «Сокровенное сказание» содержит бесценные сведения по истории возникновения Монгольской империи, по биографии Чингис-хана и его государственным и военным установлениям, об организации монгольской армии, о ходе завоевательных походов монголов, о политике по отношению к покоренным народам и т. д. «Сокровенное сказание» дает сведения и о курултае 1235 г., где было принято решение о монгольском походе на Запад, во время которого нашествию подверглись и русские земли.

Следует назвать и некоторые памятники монгольской документальной письменности: письмо великого хана Гуюка римско-

му папе Иннокентию IV в 1247 г.; ярлык хана Золотой Орды Менгу-Тимура русской митрополии, выданный в 1267 г. и сохранившийся в древнерусском переводе; письма иранских ильханов Абаки, Аргуна, Газана и Олджейту западноевропейским властителям в конце XIII – начале XIV в. Наибольший интерес среди этих документов представляет письмо Гуюка, участника походов в Восточную Европу, в котором отчетливо сформулирована претензия монгольских ханов на мировое господство.

Китайские источники. Важнейшим источником по монгольской истории является официальная хроника правившей в Китае монгольской династии Юань – «Юань ши». Этот коллективный труд был создан в 1368–1369 гг. и охватывает период от 1206 г., года объединения монгольских племен Чингис-ханом и создания Монгольской империи, до изгнания монголов из Китая в 1368 г. Важной составляющей частью «Юань ши» являются жизнеописания монгольских военачальников и сподвижников Чингис-хана, в том числе Субедей-багатура, организатора похода на Русь. К сожалению, полный перевод «Юань ши» на русский язык до настоящего времени отсутствует, и данные этого источника при изучении истории монгольских завоеваний привлекаются лишь фрагментарно.

Чрезвычайно ценными источниками являются известия о монголах китайских послов Чжао Хуна (1221 г., сочинение Чжао Хуна «Мэн-да бэй-лу», т. е. «Полное описание монголо-татар», первое историческое произведение, посвященное монголам), Пэн Да-я (1233 г.) и Сюй Тина (1235–1236 гг.). Эти путешественники дали описание монгольской государственности и монгольской армии незадолго до монгольского вторжения в Восточную Европу. Большой интерес представляют их сведения о вооружении и тактике монгольских воинов, об осаде монголами городов и принципах планирования военных кампаний и т. п. Немаловажным представляется то обстоятельство, что некоторые китайские авторы столкнулись с монголами не как с завоевателями (до 1234 г. южнокитайская империя Сун находилась в союзнических отношениях с монголами), а потому смогли дать объективное и свободное от эмоциональных оценок описание монгольских реалий.

Восточные источники. Значительное место в источниковой базе по теме монгольского нашествия на Русь занимают восточные источники: персидские, арабские и армянские. Важнейшим из них является «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, созданный в начале XIV в. по поручению монгольского правителя Ирана ильхана Газана. В своей работе Рашид ад-Дин (а точнее – работавший под его ру-

ководством коллектив авторов) использовал как официальные документы из канцелярии ильханов, так и иные письменные источники и устную информацию самого разного характера. «Сборник летописей» содержит подробное описание монгольских походов на Русь и подчинения монголами других народов Восточной Европы – волжских булгар, половцев, аланов и др. Многие сведения Рашид ад-Дина носят уникальный характер, например, известие о гибели под русским городом Коломной сына Чингис-хана Кулькана, о восстаниях против монголов покоренных народов и т. д.

Одним из источников хроники Рашид ад-Дина является «История завоевателя мира» Ала ад-Дина Джувейни, написанная около 1260 г. Данный источник содержит краткие, но важные сведения о битве на реке Калке и походах на Русь в 1237–1240 гг., об обложении данью завоеванных русских земель и т. д. Сочинение Джувейни было сравнительно поздно введено в научный оборот и до настоящего времени часто оказывается за пределами внимания исследователей.

Значительный интерес представляют сборники переводов персидских и арабских авторов, выполненные В. Г. Тизенгаузеном. Два тома этих материалов, содержащие выдержки из сочинений сорока одного автора, являются исключительным по своей ценности сборником фактического материала для изучения нашествия монголов на Восточную Европу и истории Золотой Орды (именуемой в восточной традиции Улусом Джучи). Наиболее интересный материал приводят арабские историки Ибн ал-Асир, Ибн Василь и некоторые другие. Многочисленные выдержки из современных нашествию восточных (а частично и западноевропейских) источников были опубликованы и в сборнике «История Татарии в документах и материалах», вышедшем в 1937 г.

Сообщения армянских авторов XIII в. (Смбата Спарапета, епископа Степаноса, армянского католикоса Константина, Мхитара Айриванеци и др.), изданные на русском языке в сборнике «Армянские источники о монголах», рисуют картину монгольских завоеваний в кавказском регионе, заполняя географический и тематический пробелы между известиями русских и арабо-персидских современников нашествия.

Западноевропейские источники. Следующую группу источников представляют записки западноевропейских путешественников и миссионеров XIII в. и западноевропейские хроники. О положении в Восточной Европе накануне нашествия Батыя повествует венгерский монах-доминиканец Юлиан. Во время своего путешествия, осенью 1237 г., Юлиан, находившийся на территории

Северо-Восточной Руси, получил известие о разгроме монголами Волжской Булгарии. Юлиан отправил послания венгерскому королю Беле IV и германскому императору Фридриху II, в которых предостерегал о грозящей христианскому миру опасности и сообщал собранные им сведения о монголах. Послания Юлиана свидетельствуют о том, что монгольское нашествие не было неожиданным и информация о его подготовке просачивалась в русские земли и другие государства Восточной Европы.

Монах-францисканец Иоанн де Плано Карпини совершил путешествие к монголам в 1245–1247 гг. как посланец римского папы Иннокентия IV. В своей «Истории монголов» Плано Карпини дал систематическое изложение собранных им материалов о географическом положении Монголии и государственном устройстве Монгольской империи, об истории, обычаях, религиозных представлениях и военном искусстве монголов. На своем пути в Каракорум он посетил Киев, встречался с русскими князьями Даниилом Романовичем Галицким и великим князем владимирским Ярославом Всеволодовичем и собрал чрезвычайно ценные сведения о состоянии русских земель после нашествия монголов, политических отношениях русских князей и монгольских ханов и т. д. Можно утверждать, что Плано Карпини впервые познакомил Европу с масштабами и реальной картиной монгольских завоеваний.

Францисканский монах Вильгельм (Гийом) де Рубрук совершил дипломатическую поездку к монголам по поручению французского короля Людовика IX в 1253–1255 гг. Рубрук посетил ставки хана Батгя, его сына Сартака и, наконец, великого хана Менгу в Каракоруме. Записки Рубрука («Путешествие в Восточные страны») менее систематичны, чем «История» Плано Карпини, и больше напоминают путевой дневник. Сочинение Рубрука содержит ценнейший материал о быте и нравах монголов в середине XIII в., о положении дел в разных улусах Монгольской империи и их правителях, о судьбе угнанных монголами в Центральную Азию пленников – русских, венгров, немцев и т. д.

Произведение венецианского купца Марко Поло «О разнообразии мира», более известное как «Книга Марко Поло», в отличие от записок вышеперечисленных путешественников содержит сравнительно немного сведений по истории монгольских завоевательных походов вообще и в Восточную Европу в частности. Основное достоинство «Книги» – описание монгольских государств в конце XIII в. и прежде всего империи Юань в Центральной Монголии и Китае, где Марко Поло провел 17 лет на службе у монгольского императора Хубилая.

Кроме записок вышеперечисленных путешественников следует назвать такие источники XIII в., как «Великопольская хроника», «История салонских и сплитских архиепископов» Фомы Сплитского, «Великая хроника» Матфея Парижского и др. Эти сочинения содержат многочисленные сведения о монголах, их походах на земли Руси, Польши и Венгрии, политике монголов в отношении покоренного населения и т. д. Исследователи неоднократно высказывали предположение, что информаторами европейских авторов могли быть выходцы из русских земель, бежавшие от монголов (подобные игумену Петру Акеровичу, настоятелю монастыря Спаса на Берестове под Киевом, который выступил с сообщением о монголах на Лионском соборе в 1245 г.; рассказ Петра сохранился в хронике Матфея Парижского). К сожалению, многие хроники и иные документы, посвященные монгольскому нашествию в Восточную Европу (например, послания венгерского короля Белы IV, императора «Священной Римской империи» Фридриха II, римских пап Григория IX и Иннокентия IV и др.), до сих пор не переведены на русский язык.

Данные археологии. Кроме письменных источников для изучения монгольского нашествия на Русь могут быть привлечены данные смежных исторических дисциплин. Археологические исследования дают возможность уточнить и расширить сложившееся на основе анализа письменных источников представление о характере и масштабах монгольских походов на Русь в 1237–1240 гг. Работы М. К. Каргера, А. Л. Монгайта, Б. А. Рыбакова и других исследователей наглядно воссоздают картину катастрофы, постигшей русские земли в середине XIII в. На археологическом материале подробно документирована гибель Рязани, Торжка, Киева, Владимира Волынского и множества более мелких городов. В классической работе Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» на основе анализа археологических данных сделан вывод об исчезновении многих видов ремесел и регрессе ремесленного производства на Руси в целом в результате монгольского погрома. Материалы раскопок золотоордынских городов, возникших в середине – второй половине XIII в., подтверждают данные письменных источников о массовом угоне русского населения в Орду. Большое значение имели археологические исследования в Монголии и Забайкалье, в частности, раскопки столицы Монгольской империи Каракорума, которые дали возможность исследователям получить более детальное представление о монгольском обществе и государстве в эпоху завоевательных походов. Таким образом, в свете археологических данных становится

более ясным характер монгольского нашествия и его последствий для развития русских земель.

Памятники изобразительного искусства. В последнее время предметом внимания исследователей все чаще становятся изобразительные материалы, относящиеся к истории монгольских завоеваний XIII в. В вышедшей недавно работе А. В. Мартынюка («Монголы в изображениях», на немецком языке) систематизированы данные восточных (иранских и среднеазиатских), западноевропейских и русских памятников средневековой книжной иллюстрации и миниатюры. Обращение к изобразительным источникам позволяет осветить такие вопросы, как вооружение и тактика монгольских воинов, этапы монгольских завоеваний (в частности, монгольских походов 1236–1242 гг.), придворный церемониал и функционирование ставки монгольских ханов эпохи становления и расцвета Монгольской империи XIII в. Изобразительные памятники существенно дополняют данные, полученные в результате анализа иных групп источников – письменных, археологических и др.

В целом можно сделать вывод, что в распоряжении исследователей монгольского нашествия на Русь и монгольских походов в Восточную Европу имеется довольно обширный и разнообразный материал, который позволяет дать развернутую и комплексную картину завоевательных походов монголов. Однако необходимо отметить, что в отечественной историографии господствует некоторый консерватизм при изучении этого вопроса: история монгольских завоеваний в Восточной Европе освещается обычно лишь на основе анализа русских летописей и выборочного цитирования других источников, главным образом хроники Рашид ад-Дина и сообщений Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука. За пределами внимания исследователей оказываются многие важные письменные источники – монгольские, китайские, арабо-персидские и западноевропейские. Изучение данного вопроса затрудняет и отсутствие современных переводов на русский язык многих письменных источников. Чтобы несколько восполнить этот пробел и познакомить отечественных исследователей с характером информации, содержащейся в малодоступных на данный момент памятниках, в приложении к учебному пособию опубликованы жизнеописания Субедей-багатура и некоторых других монгольских полководцев из китайской хроники «Юань ши».

Г л а в а II

МОНГОЛЬСКАЯ АРМИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Г рандиозные по своим масштабам завоевательные походы монголов в XIII в. поразили воображение современников и нашли подробное освещение в письменных источниках. Эта тема продолжает привлекать внимание исследователей и широкой общественности вплоть до наших дней. Различные аспекты военного дела монголов неоднократно становились объектом специального изучения отечественных и зарубежных ученых. В данной главе на основе свидетельств исторических источников и существующей литературы по этой теме будут кратко рассмотрены такие вопросы, как вооружение монгольских воинов, организация войска и основные принципы военной стратегии монголов, тактические приемы полевого боя и осадной войны.

Вооружение монгольских воинов. Военное искусство монголов эпохи их завоевательных походов в XIII в. сложилось на основе богатых военных традиций кочевников Центральной Азии раннего и развитого средневековья. Сама специфика кочевого хозяйства способствовала развитию навыков верховой езды и владения оружием, что было отмечено уже современниками: «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы они каждый день гонятся и охотятся. Это есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, а все конные воины» (Чжао Хун; список цитируемых источников см. в Библиографии). Каждый мужчина в средневековом кочевом обществе являлся хорошо подготовленным воином, в значительной степени, чем его современник – земледелец или городской ремесленник Китая, Средней Азии или Восточной Европы. Это доставляло большое преимущество монголам, позволяя им выставить при сравнительно небольшой численности населения многочисленные и хорошо подготовленные армии.

Основой наступательного вооружения были лук и стрелы, навыкам обращения с которыми монголы обучались с раннего детства и достигали такого мастерства, что вошли в некоторые хроники как

«народ стрелков». Монгольский сложносоставной лук, по свидетельству современников, являлся грозным оружием: «С ними очень опасно начинать бой, так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других народов в больших сражениях. Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают почти все виды защитных средств и панцири». В зависимости от обстоятельств монголы широко использовали разнообразные типы стрел: граненые бронебойные стрелы для пробивания различных видов доспехов, массивные широколопастные наконечники, предназначенные для нанесения широких рваных ран легковооруженному противнику и т. д. Для деморализации врага служили так называемые «свистящие стрелы». Из оружия ближнего боя монголы использовали копья, сабли, булавы, кинжалы и другое оружие. По свидетельству письменных источников, копья нередко снабжались крюками, с помощью которых можно было стаскивать вражеского всадника с седла.

Защитное вооружение монгольских воинов состояло из пластинчатых панцирей разных типов и кольчуг. Кроме металлических доспехов большое распространение получило у монголов защитное вооружение из так называемых «мягких материалов»: сыромятной кожи, войлока, ткани, меха. Халаты из нескольких слоев просмоленной кожи или простеганного войлока, именовавшиеся по-монгольски «хатангу дегель», обеспечивали некоторую защиту воина от поражающего удара и были своеобразным промежуточным звеном между боевой или походной воинской одеждой и собственно доспехами. Нередко они усиливались металлическими пластинами или комбинировались с панцирями и иными деталями защитного вооружения: нагрудными щитками, наручьями, поножами. Такие доспехи были более легкими и удобными для действий легкой конницы, которая составляла основу монгольского войска. Источники отмечают наличие у монголов металлических шлемов (Плано Карпини: «Шлем же сверху железный или медный, а то что прикрывает кругом шею и горло – из кожи»), которые, судя по изображениям на миниатюрах, большей частью были сфероконической формы. Использовали монголы и щиты – как круглые кавалерийские (из дерева, кожи, сплетенные из прутьев и т. п.), так и массивные прямоугольные щиты-*чапары*, применявшиеся при укреплении лагеря и осадных работах.

Долгое время господствовало представление, что монгольская армия состояла исключительно из легковооруженных лучников. Современные исследователи подходят к этому вопросу более дифференцированно и признают наличие у монголов как легкой, так

и тяжеловооруженной конницы. Это подтверждают и письменные источники, особенно китайские (например, Пэн Да-я: «Тяжеловооруженных они используют, как правило, в трех случаях из десяти», по немецкому переводу П. Ольбрихта и Е. Пинкс). Плано Карпини подробно описывает монгольский конный доспех, состоявший из металлического налобника и кожаных частей, прикрывавших тело коня. Монгольского всадника, защищенного пластинчатым металлическим панцирем и шлемом, вооруженного оружием ближнего боя (копьем и саблей) и сидящего верхом на покрытом доспехами коне, можно с полным основанием назвать тяжеловооруженным. Вероятно, отряды тяжеловооруженных всадников не были многочисленными: ханская гвардия, личные дружины отдельных военачальников – как можно предположить, от 10 до 20 % от общего числа монгольских воинов. Однако наличие таких отрядов существенно повышало возможности монгольского войска, так как позволяло эффективно сочетать дистанционный бой (обстрел врага с помощью лука и стрел) с атаками с применением холодного оружия – копий и сабель. В «Сокровенном сказании» и других источниках сохранилось много свидетельств того, что монголы отнюдь не уклонялись от прямого ударного столкновения с противником, хотя и старались нанести врагу максимально возможные потери на расстоянии.

В целом комплекс вооружения монгольского всадника может быть охарактеризован как весьма развитый и эффективный, пригодный для действия в разных условиях и против разного противника. Наступательное и оборонительное оружие монголов оказало заметное влияние на развитие военного дела в Европе и Азии в средние века и было заимствовано многими народами, столкнувшимися с ними. Так, например, уже в 50-х гг. XIII в. некоторые элементы монгольского вооружения использовались русскими воинами, как о том свидетельствует Ипатьевская летопись: «Данила (князь Даниил Галицкий) же приде к нему исполчи вся люди свое. Немьци же дивящесе оружью татарьскому: беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье во ярыщех, и бе полков его светлость велика от оружья блистающая». Упомянутые в данном отрывке металлические конские маски-личины и кожаное защитное вооружение для коня (*кояры*) являлись характерными для монголов и были описаны, как уже упоминалось выше, Иоанном де Плано Карпини.

Организация войска. Организация монгольского войска довольно подробно освещена в источниках. В ее основу была положена десятичная система. Все мужское население Монгольской империи

было поделено на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (*тумены*), во главе которых были поставлены военачальники разных рангов, от простого десятника до темника, командира корпуса в 10 000 всадников. Данное деление разрушило прежнюю систему племен и отдельных родов, сплотило монгольских кочевников в единое целое, укрепило монгольскую государственность и войско. «Сокровенное сказание» подробно повествует об этой военной реформе Чингис-хана и называет по именам 95 тысячников, ставших во главе монгольской армии. Следует отметить, что данные «тысячи» были не только тактическими подразделениями, но и военно-административными единицами, и потому реальное число выставляемых в поход воинов могло весьма существенно колебаться. Тем не менее, монгольские «тысячи» и тумены, существовавшие на постоянной основе, явились значительным шагом вперед в сфере военной организации по сравнению с феодальными ополчениями других стран, которые собирались от случая к случаю, воины и командиры которых не имели опыта взаимодействия друг с другом. Это обстоятельство обеспечивало монголам значительное организационное и тактическое преимущество по сравнению с их противниками.

Особое место в составе войска занимала ханская гвардия (*кешик*) – десятитысячный корпус, сформированный Чингис-ханом из наиболее боеспособных и хорошо вооруженных воинов. Гвардия обеспечивала безопасность великого хана, служила резервом во время сражений. Гвардейские офицеры выполняли функции штаба монгольской армии, донося волю хана до каждого подразделения и до каждой юрты кочевников. Свои отборные подразделения имели и другие монгольские военачальники, их численность зависела от занимаемого командиром ранга. Кроме собственно боевых подразделений в состав монгольской армии входили вспомогательные службы: военной разведки, продовольствия и снабжения (*черби*), курьерской связи и др. Специальные отряды, набранные в основном из китайского и мусульманского населения, обслуживали камнететные установки и другую осадную технику.

Военная стратегия монголов. Перед началом нового завоевательного похода монголы стремились собрать как можно более подробные сведения о будущем противнике, внутреннем состоянии его страны, количестве и качестве войск и т. д. С этой целью отправлялись посольства, торговые караваны, хорошо подготовленные лазутчики [так, например, встреченный монахом Юлианом монгольский посол владел русским, куманским (половецким), венгерским, немецким и арабским языками, т. е. всеми ос-

новными языками будущего театра военных действий]. Новым для военного искусства средневековья была практика глубоких стратегических рейдов, подобных походу туменов Субедея и Джебей в 1222–1224 гг., в результате которых монголами были собраны сведения о многих народах Восточной Европы: половцах, аланах, русских, булгарах и других, позже ставших жертвами грандиозного нашествия 1236–1242 гг. Перед началом военных действий планы походов обсуждались на курултаях – общих собраниях высшей монгольской знати и военачальников. Во время этих совещаний уточнялись цели и задачи кампании, определялись направления наступления и необходимое количество войск, обсуждались кандидатуры полководца и его помощников и советников. Китайские авторы (Чжао Хун, Пэн Да-я, Сюй Тин, составители хроники «Юань ши») сохранили сведения о военных советах монгольских военачальников, которые показывают высокий уровень стратегического планирования будущих операций.

При вторжении в неприятельскую страну монголы старались прежде всего нанести врагу максимально возможный урон и ослабить его еще до столкновения с главными силами. Обычно вторжение велось одновременно по нескольким направлениям. Монголы расчленяли оборону противника, проникали глубоко в тыл вражеской территории, стремились вызвать панику и ужас среди местного населения. Иоанн де Плано Карпини пишет: «Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, а только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, то обращают их в бегство; но все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство».

Главным принципом стратегии монголов было уничтожение живой силы противника, его наиболее боеспособных войск. Обнаружив основные силы врага, монголы стремились окружить и изолировать их. Обладая большой подвижностью и маневренностью, монголы могли своевременно подтянуть к месту решающего сражения все свои отряды. При подготовке к битве монгольские полководцы широко применяли такие приемы, как глубокий охват противника, притворное бегство, засады, дезинформация неприятеля об истинной численности монгольского войска и т. д. Лишь после уничтожения главных сил врага монголы широкой лавиной рассыпались по неприятельской стране, подвергая ее грабежу и опустошению. Моделью таких действий были облавные охоты, которые

нередко длились по несколько недель или месяцев и служили своеобразной школой военной подготовки воинов и командиров.

Тактика монголов. Источники отмечают большое разнообразие тактических построений монгольской конницы во время боя. Само название этих построений указывает как на рассыпной строй, характерный для традиционной тактики кочевников («рассыпать звезды» – Пэн Да-я по немецкому переводу П. Ольбрихта и Е. Пинкс), так и на атаку в плотно сомкнутых ударных порядках («долото» – «Сокровенное сказание», перевод М. Таубе). Бой обычно начинали отряды легковооруженных воинов, которые прощупывали оборону противника и пытались выманить его с занимаемых позиций под удар главных сил. Постепенно наращивая удар, монгольские военачальники вводили в бой свои основные контингенты. Монгольские всадники волнами атаковали противника, осыпая его стрелами и пытаясь расстроить его ряды, ослабить и деморализовать противника. Китайский посол Чжао Хун писал: «Стреляют метко, бьют и вражьи коней и людей. Часто враг терпит поражение потому, что кони его бывают перебиты». А по образному выражению монаха Юлиана, «стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются».

Когда противник был в достаточной степени ослаблен и приходил в замешательство, монголы атаковали его всеми силами с использованием отборных отрядов тяжеловооруженной конницы, нанося удары по наиболее слабым местам боевого построения противника. Обращенного в бегство врага монголы преследовали до полного его уничтожения, не отвлекаясь на разграбление лагеря и захват добычи. Важность преследования дрогнувшего врага и, в свою очередь, поддержания порядка в собственных рядах хорошо понимали монгольские военачальники, следуя заветам самого Чингис-хана: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля эта добыча от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч тому, кто не вернется в строй и не займет своего прежнего места».

Такая тактика требовала хорошего управления войсками, высокой выучки командиров и дисциплины воинов. В отличие от феодальной аристократии большинства стран Европы и Азии того времени монгольские военачальники не принимали непосредственного участия в бою, а руководили боевыми действиями из глубины боевых порядков. Сигналы отрядам подавались с помощью посыльных, разноцветных значков и стягов и барабанного боя. Это позволяло

монгольским военачальникам сохранять управление войсками во время ближнего боя и концентрировать силы на направлении главного удара. Все современники монголов отмечали железную дисциплину, царившую в монгольском войске: невыполнение приказа, оставление своего места в строю, бегство с поля боя карались смертью. Воины каждого отряда были связаны круговой порукой и несли ответственность не только за себя, но и за своих соратников.

Отбору и подготовке командного состава уделялось особое внимание. В период становления и расцвета Монгольской империи на командные посты выдвигались не только представители монгольской знати, но и талантливые выходцы из простых кочевников или даже из среды завоеванных племен и народов. Источники сохранили имена многих выдающихся монгольских полководцев, одержавших победы в Европе и Азии: Субедея, Джебе, Мухали, Бурундая и др.

Осада городов. В отличие от других кочевников монголы достигли больших успехов в освоении осадной техники. Источники свидетельствуют, что при первых вторжениях в Китай монголы еще не умели брать крепостей. Однако монгольские военачальники быстро поняли важность использования осадных машин (прежде всего тяжелых камнеметных катапульт) и иных технических средств и создали специальные отряды для ведения крепостной войны. О формировании одного из таких отрядов говорится в биографии монгольского военачальника Аньмухая из китайской хроники «Юань ши» в приложении к данному пособию. Подробно о разнообразных приемах осады и штурма городов повествует Иоанн де Плано Карпини: «Укрепления они завоевывают следующим образом. Если встречается такая крепость, они окружают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь... А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они переграждают ее или делают другой русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же этого нельзя сделать, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления...»

Специфически монгольским приемом крепостной войны стало широкое использование *хашара* – военнопленных, которые засыпали рвы, сравнивали препятствия, мешающие осадным машинам приблизиться к стенам осажденного города, насыпали дамбы, с помощью которых затопливались неприятельские укрепления и т. д. Во время штурма монголы гнали пленных на стены впереди себя, ослабляя защитников и подрывая их волю к сопротивлению. Население городов, оказавших сопротивление монголам, беспощадно истреблялось. Жестокость по отношению к противнику – опустошение территорий, уничтожение населения, использование военнопленных в качестве живого щита – была одним из элементов стратегии монголов, направленной на запугивание и психологическое подавление врага.

Общая оценка военного искусства монголов. Военное искусство монголов по-разному характеризовалось исследователями. Некоторые ученые оценивали его чрезвычайно высоко, другие отказывали монголам в высоком уровне развития военного дела и видели главную причину их успехов в жестокости и большом численном превосходстве над противником. Следует, вероятно, абстрагироваться от эмоциональных оценок и постараться взглянуть на проблему объективно. Монгольские завоевания охватили огромные пространства Европы и Азии, и потому невозможно отрицать эффективность военной машины монголов и их большой вклад в мировую историю военного искусства. Монгольская армия XIII в. не появилась из ниоткуда. Она являлась естественным продуктом развития монгольского кочевого общества и основывалась на многовековых военных традициях народов Центральной Азии – гуннов, тюрок, уйгуров, киданей и др. В то же время монголы сумели усвоить лучшие достижения своих оседлых соседей в этой сфере – образцы наступательного и оборонительного вооружения, осадную технику, некоторые тактические приемы и т. д. После нескольких десятилетий непрерывных войн – в степях Монголии, на равнинах Китая, в горах и пустынях Средней Азии – монгольские военачальники и простые воины накопили огромный боевой опыт. На границах Руси стояла чрезвычайно эффективная, профессиональная и дисциплинированная армия, можно сказать, одна из лучших армий средневековья.

Г л а в а III

ПОДГОТОВКА К НАШЕСТВИЮ

Планы завоевания Восточной Европы складывались у монгольских ханов задолго до похода Батыя. Еще в 1207 г. Чингис-хан передал своему сыну Джучи в качестве удела земли в бассейне Иртыша и далее на запад, «куда ступит нога монгольского коня» («Сокровенное сказание»), наметив, таким образом, план завоевательных походов в сторону Европы. Однако при жизни Чингис-хана этим планам не суждено было сбыться, так как основные силы монгольских войск были заняты войнами в Китае, Центральной и Средней Азии.

Первое появление монголов в Восточной Европе. В 20-х гг. XIII в. монголами были проведены подготовительные военные операции к будущему нашествию, среди которых выделяется поход войск Субедея и Джебе, лучших полководцев Чингис-хана, в Закавказье и Восточную Европу в 1222–1224 гг. Во время этого глубокого стратегического рейда монголы собрали сведения обо всех своих будущих противниках на территории Восточной Европы и впервые вступили в столкновение с силами русских княжеств, поэтому данный поход должен рассматриваться как исключительно важный этап в подготовке к монгольскому нашествию на «западные земли» в 1236–1242 гг.

Поход туменов Субедея и Джебе начался в Средней Азии, когда Чингис-хан отправил этих полководцев в погоню за хорезмшахом Мухаммедом. Монголы преследовали беглеца до Каспийского моря, где он укрылся на одном из островов и вскоре умер (декабрь 1221 г.). После этого Субедей, по свидетельству «Юань ши» и хроники Рашид ад-Дина, попросил разрешения Чингис-хана продвигнуться дальше на север и запад и провести разведку «западных земель». Монгольское войско с боями прошло через территорию Азербайджана, Армении и Грузии и осенью 1222 г. вышло на Северо-Кавказскую равнину. Здесь монголы столкнулись с объединенными силами половцев (называемых в восточных источниках кипчаками) и аланов (предков современных осетин). Одолеть по-

ловецко-аланское войско в открытом бою монголам не удалось, и тогда они прибегли к хитрости. По сообщению арабского историка Ибн ал-Асира, Субедей отправил к кипчакам послов с богатыми дарами и предложением разорвать союз с аланами, поскольку монголы и кипчаки «из одного племени», принадлежат к родственным кочевым народам. Хитрость удалась, после чего монголы разгромили аланов и другие северокавказские племена, а затем обрушились на ничего не подозревающих половцев. Преследуемые монголами, половцы бежали к границам Руси.

Интересно, что при описании этих событий «Юань ши» говорит о том, что к Субедею присоединились «рабы кипчаков»: по-видимому, монголам удалось привлечь на свою сторону какие-то зависимые от половцев кочевые племена. Может быть, под этими «рабами» скрываются и бродники, в которых исследователи видят русское население степей Восточной Европы, нечто подобное позднему казачеству. В начале XIII в. бродники находились, вероятно, в зависимости от половцев, а их выступление в событиях 1223 г. на стороне монголов подтверждается русскими летописями. В настоящее время трудно определенно ответить на этот вопрос, однако данный пример наглядно демонстрирует необходимость более широкого привлечения восточных источников, в том числе китайских, к изучению событий монгольского нашествия на Русь.

Битва на Калке. Известие о появлении в восточных землях нового неведомого врага заставило южнорусских князей собраться на совет в Киеве. Здесь присутствовали наиболее сильные князья Южной Руси – Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославич Черниговский, Мстислав Мстиславич Галицкий и др. Половецкий хан Котьян, тесть Мстислава Киевского, одаривал русских князей богатыми дарами и убеждал их выступить против монголов, указывая, что после победы над половцами монголы обрушатся на Русь: «Нашу землю суть днесь отняли, а вашу завтра, пришедше, возмут». Русские князья приняли решение оказать помощь половцам, чтобы совместными силами дать отпор завоевателям. Значительное войско, состоявшее из киевских, черниговских, галицких, волынских, смоленских полков и половецких отрядов, собралось в излучине Днепра у Заруба. Здесь к русским князьям прибыли послы Субедея и заявили о том, что монголы не собираются нападать на русские земли, а ведут войну только против половцев, своих «холопов и конюхов». Трудно сказать, соответствовало ли это заявление действительности или монголы,

по своему обыкновению, хотели лишь расколоть силы русских и половцев. Как бы то ни было, русские князья не поверили монголам, убили их послов и, переправившись через Днепр, двинулись в степь.

Первое столкновение с монголами закончилось удачно для русских, в плен был даже захвачен монгольский военачальник Гемябек. Этот успех воодушевил русских князей, и они стали активно преследовать отступавшие монгольские отряды. В русском стане не было ясных сведений о противнике и единого мнения о монголах. Одни говорили, что монголы хорошие воины, другие пренебрежительно отзывались о них, говоря, что они «хуже половцев». Не было в русском войске и единого командования: каждый князь двигался отдельно со своим полком, часто даже не зная, где находятся другие отряды. Воспользовавшись разбродом в русско-половецком войске, Субедей заманивал противника все дальше в степь.

На девятый день преследования (двенадцатый день по Ибн ал-Асиру) русское войско вышло к реке Калке (предположительно, приток реки Калмиус, впадающей в Азовское море). На рассвете 31 мая 1223 г. русские дозоры обнаружили за рекой монголов. Мстислав Мстиславич приказал князю Даниилу Романовичу перейти реку и напасть на врага, ничего не сообщив об этом двум другим Мстиславам, с которыми он находился в «великой вражде» (Ипатьевская летопись). Передовые русские отряды и половцы воеводы Юруна наткнулись на основные силы монголов и вступили с ними в ожесточенную схватку. Молодой князь Даниил (ему тогда было 18 лет), по свидетельству летописца, сражался храбро и был ранен в грудь, но его дружина и половцы не могли выдержать натиска монголов и обратились в бегство. Затем монголы обрушились на остальные русские полки по обоим берегам Калки и «бысть сеча зла и люта». Разрозненные русские отряды, действовавшие без единого командования (Мстислав Киевский, например, укрепился в своем лагере и не оказал помощи другим князьям), потерпели жестокое поражение. Часть монгольских сил блокировала Мстислава Киевского, а остальное войско преследовало остатки русских дружин до Днепра. По свидетельству летописей, потери были огромными – погибло шесть князей, и лишь каждый десятый из русских воинов вернулся домой. Киевляне три дня отбивались в своем лагере, а потом сдались, поверив обещаниям монголов и Плоскини, воеводы бродников. Завоеватели не сдержали своего

обещания и жестоко умертвили Мстислава Романовича Киевского, двух других князей и остальных пленников. После победы на Калке монголы повернули на восток и вторглись в пределы Волжской Булгарии. По свидетельству Ибн ал-Асира, булгары смогли нанести Субедею несколько поражений, и монгольское войско отошло за Волгу, присоединившись к возвращавшемуся из среднеазиатского похода Чингис-хану (1224 г.).

Так закончилось первое столкновение русских с монголами. Установить причины поражения русского войска в битве на реке Калке не составляет труда: это отсутствие единого командования и общая несогласованность действий князей, отсутствие разведки и обусловленная этим недооценка противника, легкомысленный план преследования неизвестного врага в глубь степей. Значительно труднее объяснить, почему столь жестокий разгром не вызвал обеспокоенности у русских князей и не заставил их задуматься о необходимости подготовки к новым столкновениям с монголами. Новгородский летописец заканчивает рассказ о битве на Калке такими словами: «Татары же възвратившася от реки Днепра; и не съведаем, откуда суть пришли и где ся деша опять: Бог весть, отколе приде на нас за грехы наша». И хотя вплоть до начала нашествия хана Батыея в 1237 г. на Русь поступали сведения о монгольских завоеваниях на востоке, никаких действенных мер по сплочению сил русских земель и организации обороны предпринято не было. Княжеские усобицы продолжались с прежним ожесточением и после 1223 г., как будто на Руси забыли о Калке и новом опасном враге.

Значительно большую пользу сумели извлечь из результатов этого похода монголы. Армия Субедея и Джебе прошла через все половецкие степи и вплотную подходила к границам Южной Руси, хорошо изучив будущий театр военных действий. Во время похода монголы непосредственно познакомились с войсками русских, половцев, булгар и аланов, а от многочисленных пленных могли получить сведения о внутреннем положении русских княжеств и государств Восточной Европы в целом, о возможных силах противника, об условиях ведения военных действий в различное время года и т. д.

Подготовка дальнейших завоеваний. Осенью 1227 г., во время осады столицы тангутского государства Си Ся, умер Чингис-хан. После двухгодичного исполнения обязанностей великого хана его младшим сыном Толуем в 1229 г. в Монголии состоялся общеимперский курултай – собрание ханской, родовой и военной

знати Монгольской империи. На курултае новым великим ханом был провозглашен Угедей, третий сын Чингис-хана, а также были разработаны планы дальнейших завоеваний. По свидетельству Рашид ад-Дина и Джувейни, Угедей, вступив на престол, «назначил войска для походов на страны мира». В Иран, где продолжались боевые действия против султана Джелал ад-Дина, был послан «Джурмагун-нойон с несколькими эмирами и 30 тысяч всадников». На запад, в прикаспийские степи, великий хан послал «Кукдая и Сабадая с 30 тысячами всадников». Появление этого монгольского отряда зафиксировано русскими летописями около 1229 г. Сам Угедей вместе с Толуй-ханом и основными монгольскими войсками «направился в сторону Хитая, который еще не покорился».

Посланный «в сторону Кынгак, Саксин и Булгар» Субедей покорял народы по будущему пути монгольских войск и готовил плацдарм для вторжения в Восточную Европу. Войска Субедея потеснили саксинов (народ неясного происхождения на Нижней Волге) и половцев, занимавших прикаспийские степи, и разгромили булгарские «сторожи» на реке Яике (Урале), охранявшие дальние подступы к своей стране. Отдельные отряды монгольской конницы заходили довольно далеко на север, где сталкивались с башкирскими племенами.

Следом за войском Субедея в прикаспийские степи двинулись новые силы, которые возглавил хан Бату (Батый – в русских летописях), внук Чингис-хана и сын Джучи. Рашид ад-Дин сообщает, что Угедей «во исполнение указа, данного Чингизханом на имя Джучи, поручил завоевание Северных стран членам его (Джучи) дома», а хан Бату «был в большом почете и очень могуществен, вместо Джучи-хана стал ведать улусом и войском». В начале 1230 г. войска Улуса Джучи сконцентрировались в районе реки Яика, усилив действовавший здесь монгольский отряд. Монголы перешли Яик и вторглись во владения половцев, в степи между Яиком и Нижней Волгой. По сообщению арабского историка Ибн Василя, «в 627 году (1230 г.) вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками». Продолжались нападения монголов и на башкирские земли.

Однако этот поход еще не был общемонгольским. Центральное место в плане завоеваний, намеченном курултаем в 1229 г., занимала война в Северном Китае, куда были направлены основные монгольские силы и даже отозван с Яика Субедей со своим отрядом («Юань ши»). Поэтому наступление на Восточную Евро-

пу силами одного Улуса Джучи не имело особого успеха. В 1232 г. монгольские войска усилили давление на Волжскую Булгарию, но были остановлены на оборонительных линиях, построенных булгарами и, как сообщают русские летописи, «зимоваша, не дошедше Великого града Болгарьского». Только в прикаспийских степях монгольские отряды довольно далеко продвинулись на запад, вытеснив половцев за Волгу, а их передовые отряды проникли на ее правобережье и близко подходили к землям аланов. Значительные силы монголов были заняты осадой поволжских городов. По сообщению Рубрука, «при среднем рукаве Итили находился город по имени Суммеркент (Сакассин), не имеющий стен, но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет». Завоевание Восточной Европы силами только Улуса Джучи оказалось явно не под силу хану Батю, хотя боевые действия на указанных направлениях продолжались и в 1233–1235 гг.

Между тем, в начале 1234 г. монголы сокрушили империю Цзинь и завершили покорение Северного Китая, а еще раньше, в 1232 г., власть монгольских ханов признали правители Кореи, потерпевшие ряд поражений от монгольского военачальника Саритая. Чормаган-нойон (Джурмагун у Рашид ад-Дина), посланный в Иран, к тому времени разгромил войска Джелаль ад-Дина и покорил Азербайджан.

Великий курултай. В 1235 г., по сообщениям «Сокровенного сказания», Рашид ад-Дина и Джувейни, великий хан Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных народов». На курултае «состоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью». Курултай наметил общемонгольский поход на запад, а в помощь и подкрепление Батю направлялись войска из Центральной Монголии во главе с другими ханами-чингисидами. Еще раньше для участия в походе был отозван из Китая Субедей, который вернулся на Яик и занялся непосредственной подготовкой нашествия. Всю зиму 1235/36 гг. монголы в верховьях Иртыша и в степях Северного Алтая готовились к большому походу на запад, а затем «все они двинулись весной бегин-иля, т. е. года обезьяны (1236 г.), лето провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с Джучи» (Рашид ад-Дин). По пути к Волге монголо-татары окончательно покорили башкирские племена.

Осенью 1236 г. войска, предназначенные для вторжения в Восточную Европу, сосредоточились в прикаспийских степях.

Однако поход в Восточную Европу не был единственным завоевательным походом монголов, решение о котором было принято на курултае 1235 г. Одновременно, по свидетельству Рашид ад-Дина, в помощь Чормаган-нойону, действовавшему на территории Средней Азии, Ирана и Кавказа, были посланы с дополнительными силами военачальники Оготур и Мункета. Готовилось и новое вторжение в Корею, куда на помощь Саритаю был отправлен Есудер-хорчин. Кроме того, как сообщает Рашид ад-Дин, «в том же году Угедей-кан назначил своего сына Кучу и царевича Кутуку, сына Джучи-Касара, в Мачин (в Южный Китай, против империи Сун)». Сведения Рашид ад-Дина подтверждаются и данными «Юань ши»: «[Угэдэй] отправил чжувана Бату вместе с сыном императора Гуюком и сыном императорского брата Мэнгу в поход на западные страны, [отправил] царевича Ко-дуань (Кодан, второй сын Угэдэя) – пойти походом на Цинь (т. е. Шэньси) и Гун (совр. уезд Гунсянь в пров. Хэнань), а сына императора Цюй-чу (Кучу, сын Угэдэя) вместе с Хутуху[-нойоном] – воевать Сун, [и отправил] Тан-гу в поход на Корею». О трех армиях монголов, отправленных Угедеем, говорит и армянский летописец Мхитар Айриванеци: из них лишь одна «прошла северным берегом Каспийского моря, растоптала многие страны».

Таким образом, источники позволяют выделить три направления военной экспансии монголов в это время: дальневосточное (Китай, Корея, Тибет), восточноевропейское и среднеазиатское. Этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение при определении тех сил, которые могли находиться в распоряжении хана Батыея во время его похода на Русь. Наиболее важным следует признать первое направление, куда были отправлены старшие сыновья Угедея. Завоевание Китая было приоритетной задачей правителей Монгольской империи, именно на этом театре военных действий, за редкими исключениями, всегда находились и сами монгольские ханы, и основные силы монголов. Вторым по важности в 1235 г. было признано, по-видимому, восточноевропейское направление: туда были отправлены многие заметные царевичи-чингисиды – Батый, Гуюк, Менгу и др. И, наконец, наименее ответственным был в данный момент среднеазиатский театр военных действий – там действовало лишь вспомогательное войско под началом Чормаган-нойона. Уяснение стратегических приоритетов монголов в 1235 г. позволяет более обоснованно подойти к вопросу о численности войска хана Батыея.

Численность войска Батыея. Вопрос о численности монгольской армии вторжения во время похода в Восточную Европу является одним из наименее ясных вопросов истории этого нашествия. Отсутствие прямых указаний источников, заслуживающих доверия, приводило к произвольному определению численности войска Батыея различными историками. Между тем, вопрос о численности войска завоевателей является принципиальным, так как его решение позволит наиболее объективно дать оценку целям, обстоятельствам и последствиям этого нашествия. Преувеличение или занижение численности войска Батыея в трудах историков неизбежно ведет к искаженному отражению исторической действительности, необъективным оценкам и ошибочным выводам, что, в конечном счете, негативно сказывается на изучении истории монгольских завоеваний в целом.

Источники скупо и неопределенно говорят о численности войска монголов. Русские летописцы ограничиваются определением, что завоеватели наступали «в силе тяжце», «бесчислена множество, яко пружи траву поедающе». Литературное произведение «Задонщина», написанное в конце XIV в., говорит о том, что «у Батыея царя было 400 000 вою». Эти сведения нельзя признать достоверными. Не менее фантастические цифры содержатся и в записках европейских авторов, современников нашествия. Так, Иоанн де Плано Карпини, например, определяет численность войска Батыея, осаждавшего Киев, в 600 тысяч человек; венгерский летописец Симон утверждает, что в Венгрию с Батыеем вторглось «500 тысяч вооруженных, да еще с центурионами и декурионами около 40 тысяч». Все эти данные остаются на совести средневековых хронистов, страсть которых к преувеличению весьма затрудняет работу исследователей. Немецкий военный историк Ганс Дельбрюк показал на материале европейского средневековья, как осторожно надо относиться к подобного рода цифрам.

Большинством российских историков XVIII–XIX вв. численность армии, которую вел Батый для завоевания Восточной Европы, определялась в 300 тысяч человек, а вместе с отрядами народов, покоренных при движении к Волге, – даже в полмиллиона. Историки советского периода вплоть до конца 1960-х гг. специально не занимались вопросом о численности армии Батыея. Они или ориентировались на традиционную в российской историографии цифру в 300 тысяч человек, или ограничивались простой констатацией факта, что монгольское войско было весьма многочисленным.

Вышедший в свет в конце 1960-х гг. фундаментальный труд доктора исторических наук В. В. Каргалова внес много нового в изучение истории монгольских завоеваний. Автор при рассмотрении нашествия Батыя на Русь помимо летописных источников широко использовал данные археологии. В своей работе В. В. Каргалов пришел к выводу, что «общую численность войска Батыя накануне нашествия можно весьма приблизительно определить в 120–140 тысяч воинов» и подкрепил свою версию рядом аргументов. Основой расчета исследователя стало количество монгольских ханов, которые принимали участие в походе. Анализируя сведения Рашид ад-Дина и Джувейни, В. В. Каргалов выдвигает предположение, что в нашествии Батыя на Восточную Европу участвовали 12–14 ханов-чингисидов, которые могли вести за собой 12–14 туменов войска, т. е. 120–140 тысяч воинов. Упомянутых ханов В. В. Каргалов в своей работе перечислил поименно, однако допустил при этом некоторые ошибки. В частности, названные им ханы Монкэ и Менгу являются одним лицом, так же, как Бюджик и Бучек, перечисленные им далее. Причина этой ошибки кроется в том, что одни источники приводят имена упомянутых двух ханов в тюркском произношении, а другие – в монгольском.

Однако более серьезным недостатком расчетов В. В. Каргалова является сделанное им допущение, что каждый хан командовал именно туменом, отрядом из 10 тысяч всадников. Действительно, во время похода большинство ханов командовали определенными войсковыми подразделениями. Рашид ад-Дин прямо указывает, что «царевичи ... пошли каждый со своим войском, устраивая сражения и занимая попадавшиеся им по пути области». Исходя из того, что «царевичам» часто приходилось самостоятельно проводить довольно крупные военные операции, можно не сомневаться в том, что некоторые из них являлись официальными командирами туменов. Однако распространять это предположение на всех участвовавших в походе ханов нет оснований. В соответствии с организацией монгольской армии командные посты в ней занимались не «по рождению», а по способностям. Вероятно, туменами командовали некоторые наиболее авторитетные ханы (Гуюк, Менгу и др.), а остальные имели в своем распоряжении лишь свои личные «тысячи», доставшиеся им по наследству (о распределении таких «тысяч» между членами ханского рода говорят «Сокровенное сказание» и Рашид ад-Дин).

Тем не менее, следует отметить, что до настоящего времени работа В. В. Каргалова является одним из наиболее серьезных научных трудов, основательно и подробно рассматривающих нашествие Батыя на Восточную Европу. Выводы, сделанные В. В. Каргаловым относительно численности войск Батыя, заслуживают пристального внимания, их используют в своих трудах многие российские и зарубежные историки.

Приблизительно к таким же результатам при определении численности монгольской армии пришел и исследователь данной темы Н. Ц. Мункуев. Он исходил из предположения, что в усредненной монгольской семье было пятеро детей и каждая будто бы выделила в поход на запад по одному воину, а так как все население Монголии середины XIII в. могло составлять почти 700 тысяч человек, то, следовательно, Батый привел на Русь равным счетом 139 тысяч воинов.

Почти два десятилетия в исторической литературе, когда вопрос касался численности армии Батыя, преобладали цифры от 120 до 150 тысяч воинов. Но в последние годы в научной и популярной литературе появились подсчеты, имеющие тенденцию к уменьшению численности монгольских войск в несколько раз по сравнению с выводами В. В. Каргалова и других ученых. Так, Л. Н. Гумилев считает, что поход Батыя в 1236–1242 гг. был лишь большим набегом, сильно преувеличенным современниками. Он насчитывает в монгольской армии всего-навсего 30 тысяч всадников. Правда, никаких аргументов в защиту этой цифры исследователь не приводит. Кроме Л. Н. Гумилева подобные выводы делают И. Б. Греков и Ф. Ф. Шамагонов, которые в книге «Мир истории», рассчитанной на массового читателя, сообщают, что «Батый привел на Русь от 30 до 40 тысяч всадников». Свое мнение они обосновывают «соображениями географического, демографического и военного характера», но не объясняют конкретно, что это за «соображения». И наконец, ряд авторов полагают, что монгольские ханы под предводительством Батыя сумели завоевать русские княжества, имея всего лишь несколько тысяч воинов. Это мнение базируется на отрывочных сведениях некоторых источников, согласно которым в Улусе Джучи было всего 4–6 тысяч собственно монгольских воинов.

Однако в настоящее время наметилась тенденция возврата к старым оценкам численности армии вторжения, данным еще российскими историками XVIII–XIX вв. Так, в частности, исследователи истории Волжской Булгарии А. Х. Халиков и И. Х. Халиул-

лин полагают, что перед вторжением в Восточную Европу монгольская армия насчитывала от 200 до 250 тысяч только собственно монгольских воинов.

Итак, пятьсот, триста, двести, сто пятьдесят, тридцать, шесть тысяч... Здравый смысл подсказывает, что при такой разнице взглядов на важнейшее историческое обстоятельство не может быть верной и картина нашествия Батыя на Восточную Европу в целом. Существует настоятельная необходимость решения вопроса о численности монгольских войск во время похода 1236–1242 гг. Решить этот вопрос можно, лишь подойдя к нему комплексно, т. е. необходимо привлечь данные всех наиболее достоверных источников, проанализировать военно-политическую обстановку как в Монгольской империи, так и в странах, каким-либо образом затронутых действиями монгольских войск, детально разобраться в обстоятельствах этого похода. Кроме того, необходимо привлечь данные археологии, этнографии, географии и других наук. Не обойтись и без выводов военных наук, которые основаны на изучении многочисленных войн в истории человечества и, в частности, войн эпохи средневековья.

Сведения источников о численности монгольской армии.

Прежде чем приступить к определению численности войска хана Батыя в походе на Русь следует, в первую очередь, дать оценку мобилизационным возможностям собственно Монголии, тем более что источники позволяют это сделать. «Сокровенное сказание монголов», написанное неизвестным автором летом 1240 г. в ставке великого хана Угедея, и «Сборник летописей» персидского историка Рашид ад-Дина дают прямые указания на этот счет. «Сокровенное сказание» подробно повествует о курултае 1206 г., на котором Чингис-хан распределял войска между своими родственниками, соратниками и знатными нойонами. В результате этой военно-административной реформы было назначено «95 тысячников из монгольского народа», получивших по одной тысяче воинов с семьями, кроме того, из старших сыновей десятников, сотников и тысячников был образован особый гвардейский десяти тысячный корпус (*кешик*), перешедший под непосредственное командование Чингис-хана. Всего, таким образом, собственно монгольская армия в 1206 г. насчитывала 105 тысяч воинов. «Сокровенное сказание» было написано как «секретная» хроника, предназначенная для узкого круга придворной монгольской знати. Это обстоятельство позволяет считать сведения о численности монгольской армии, имеющиеся в «Сказании», достаточно досто-

верными. Далее, в вышеупомянутом источнике почти все из 95 тысячников перечислены по именам, и, что самое важное, многие из этих имен можно встретить в другом заслуживающем доверия источнике – «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина.

Персидский историк Рашид ад-Дин написал свой труд в начале XIV в. Автор был первым министром монгольского ильхана Газана и имел доступ к документам официальной канцелярии ильханов, а также пользовался сочинениями Джувейни, современника монгольских завоевательных походов середины XIII в. В первом томе «Сборника летописей» приводится подробный перечень собственно монгольских войск, оставшихся после смерти Чингис-хана и разделенных им между его наследниками. Всего Чингис-ханом было распределено между «сыновьями, братьями и племянниками» монгольское войско в «сто двадцать девять тысяч человек». Подробный перечень монгольских войск, разделение их по тысячам и даже сотням, с указанием имен и родословных военачальников, список наследников и степень их родства с великим ханом – все это свидетельствует о документальном характере сведений Рашид ад-Дина и об их достоверности, когда дело доходит до точных чисел. Вышеупомянутые 129 тысяч воинов Чингис-хан разделил между наследниками после похода в Среднюю Азию, а именно в конце 1224 г. или в начале 1225 г. К этому времени в монгольскую армию влилось (после 1206 г.) 4 тысячи воинов из племени ойрат, 10 тысяч киданей и 10 тысяч чжурчженей, которых Рашид ад-Дин также исчислил в составе этих 129 «тысяч». Согласно «Сокровенному сказанию», монгольская армия в 1206 г. насчитывала 105 тысяч всадников. Вместе с 24 тысячами воинов из числа ойратов, киданей и чжурчженей в итоге получается 129 тысяч человек, т. е. сведения «Сборника летописей» и «Сокровенного сказания» совпадают практически полностью. Существуют, правда, и некоторые расхождения. Во-первых, оба упомянутых источника каждый по-своему повествуют о численности войск, розданных Чингис-ханом непосредственно своим наследникам. Объясняется это, вероятно, тем, что в 1206 г. состоялось первое распределение войск между четырьмя сыновьями Чингис-хана и его братьями, а в конце 1224 г. было произведено второе перераспределение войск, когда по несколько «тысяч» получили племянники и младший сын Чингис-хана Кулькан, родившийся после 1206 г. Во-вторых, имеются некоторые расхождения относительно численности воинов из племени онгут:

по «Сказанию», их было 6 тысяч, а Рашид ад-Дин в одном месте сообщает о четырех тысячах, в другом – о целом тумене (10 тысяч), набранном из воинов этого племени. Но как бы то ни было, собственно, монгольская армия к 1235 г. насчитывала 135 тысяч воинов. Косвенным подтверждением этому служат сведения венгерского путешественника монаха-доминиканца Юлиана, который в своем письме римскому папе сообщал: «Монголы говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших (воинов) их закона в строю». Юлиан был современником Батыя и дважды посетил Восточную Европу как раз накануне монгольского вторжения. Находясь у границ Волжской Булгарии, Юлиан встретился с монгольским послом, который и сообщил ему приведенные выше сведения о численности и составе армии Батыя. Можно почти не сомневаться в том, что эти сведения носили пропагандистский характер и преувеличивали численность монгольской армии в несколько раз. Посол, вероятно, знал общее число монгольских «тысяч», так как оно постоянно обсуждалось на курултаях, и в беседе с Юлианом назвал именно его, а не численность монгольских воинов в армии Батыя.

Таким образом, собственно монгольские войска в исследуемый период насчитывали 129–135 тысяч человек. Важно отметить, что это общее число военнообязанных мужчин в Монголии, так как «тысячи» являлись, в первую очередь, военно-административными единицами. Можно с уверенностью утверждать, что никогда все 135 тысяч воинов не находились в походе одновременно.

Однако при определении численности армии Батыя необходимо исходить из того, что в походе на Восточную Европу была задействована лишь часть собственно монгольских войск. Как уже указывалось выше, в 1236 г. монгольские войска вели боевые действия одновременно в нескольких регионах Азии. Еще в 1229 г. в Иран была отправлена армия Чормаган-нойона, насчитывавшая 20 тысяч монгольских воинов и 10 тысяч воинов из уйгуров, карлуков, кашгарцев и других покоренных народов. Перед началом вторжения на Кавказ в 1236 г. Чормаган-нойон получил подкрепления, среди которых, надо полагать, было около 10 тысяч только монгольских воинов. Войска Саритая, усиленные корпусом Есудер-хорчина и вновь начавшие военные действия в Корее, состояли из 10-тысячного монгольского отряда и северокитайских армий, игравших вспомогательную роль. В конце 1235 г.

монгольские ханы начали войну с южнокитайской империей Сун, куда были отправлены сыновья Угедея Кучу и Кодан [не путать с другим сыном Угедея, Каданом (кит. Ха-Дань), который принял участие в западном походе]. В своем распоряжении они имели почти 30-тысячное конное войско и вспомогательные китайские подразделения, с помощью которых они с 1235 г. по 1238 г. смогли захватить несколько сильных сунских крепостей и овладеть некоторыми провинциями в центральном Китае. Одновременно монголы приступили и к завоеванию Тибета. И наконец, десятитысячный гвардейский корпус «кешиктенов» и, вероятно, некоторые другие собственно монгольские контингенты постоянно находились при особе великого хана Угедея и несли охрану его ставки.

Исходя из определенных выше приоритетов завоевательной политики монголов в 1230-х гг., можно попытаться определить тот количественный диапазон, в котором находилась численность войска хана Батыя. Если на главном, дальневосточном, театре военных действий (Китай, Корея, Тибет и резервы в Центральной Монголии) находилось 50–60 тысяч монгольских воинов, а на среднеазиатском – 20–30 тысяч, то армия Батыя могла насчитывать порядка 35–45 тысяч собственно монгольских воинов. Вероятно, следует ориентироваться на нижний предел этой цифры, так как у нас нет оснований для предположения о полной мобилизации всех мужских ресурсов Монголии.

Воины из покоренных народов. Численность армии завоевателей не ограничивалась, конечно, названными цифрами. Во время походов монголы постоянно включали в свое войско отряды из покоренных ими ранее народов, создавая из них целые корпуса под началом монгольских командиров. Удельный вес собственно монгольских отрядов в этой разноплеменной орде определить довольно трудно, так как источники дают различные, отличающиеся друг от друга указания на этот счет. Юлиан писал, что накануне нашествия на Восточную Европу в монголо-татарской армии было 135 тысяч монголов и 240 тысяч воинов из покоренных народов (т. е. монголы составляли 36 % от общей численности войск). По сообщению Плано Карпини, другого современника нашествия, в армии Батыя во время осады Киева было 160 тысяч монголов и до 450 тысяч воинов из других народов (или 26 % монголов от общего числа воинов). В данном случае предпочтение необходимо отдать, вероятно, соотношению, приведенному Юлианом, так как еще до осады Киева

часть монгольских воинов покинула армию Батыя и направилась обратно в Монголию.

Однако к вопросу о пополнении войска хана Батыя за счет покоренных народов следует подходить с большой осторожностью. В источниках нет упоминаний о том, что в походах 1236–1242 гг. принимали участие вспомогательные контингенты из Северного Китая или Средней Азии. К тому же их, в отличие от самих монголов-кочевников, в тогдашних условиях было практически невозможно перебросить за тысячи километров в Восточную Европу (достаточно вспомнить описания чрезвычайно суровых условий путешествий Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука от Волги к Каракоруму, длившихся многие месяцы по малонаселенной и безводной местности). Представляется, что армия Батыя могла пополняться в основном за счет местного населения в Восточной Европе (так, например, Рубрук упоминает о мордве в составе монгольского войска при вторжении в Европу в 1241 г.) и в Улусе Джучи – наследственном владении хана Батыя. При этом следует учитывать то обстоятельство, что к началу похода в 1236 г. народы Восточной Европы, населявшие пространство от реки Яик (Урала) до границ русских земель, – половцы, аланы, болгары, мордва и другие – еще не были покорены монголами. Русские летописи и восточные хроники свидетельствуют, что эти народы оказали упорное сопротивление Субедею и Батыю в 20–30-х гг. XIII в. и подверглись жестокому разгрому и истреблению. В боях с завоевателями погибли половецкие ханы Даниил Кобякович и Юрий Кончакович (упоминаются в НПЛ и других русских летописях), руководители восстаний против монголов половец Бачман («Юань ши», Джувейни, Рашид ад-Дин), правитель черкесов Тукар и болгарские вожди Баян и Чику (Рашид ад-Дин), а хан Котян со значительным количеством половцев (40 тысяч кибиток) не покорился монголам и откочевал в Венгрию. В Валахию и Болгарию бежали из причерноморских степей, по свидетельству источников, и многие аланы. Еще в 1250-е гг., по сообщению Рубрука, в степях Восточной Европы было неспокойно от аланов, венгров и русских, которые собирались в небольшие отряды и нападали на захватчиков. По данным Рубрука и Плано Карпини, продолжали оказывать сопротивление монголам и аланы, населявшие предгорья Северного Кавказа. В этих условиях представляется маловероятным, чтобы монголам удалось мобилизовать в свою армию значительное число представителей только что покоренных народов Восточной Европы. Что же каса-

ется Южной Сибири и территории современного Казахстана, входивших в состав улуса хана Батыея к началу похода, то сведения об этом регионе и населявших его народах чрезвычайно скудны. «Юань ши» сохранило драгоценное свидетельство о том, что после похода 1222–1224 гг. Субедей, с согласия Чингис-хана, набирал вспомогательное войско из меркитов, найманов, канглов, кипчаков (половцев) и др. Это сообщение можно с полным основанием отнести к владениям Джучи (умер в 1227 г.) и его сына Батыея. Однако население этого региона не было многочисленным, к тому же перечисленные племена в недавнем прошлом подверглись жестокому разгрому со стороны монголов и вряд ли могли выставить значительное количество воинов. Еще раз воины из подвластных народов (*ха-би-чи*) упоминаются в «Юань ши» при описании похода на Русь, без уточнения, о каких народах идет речь (см. биографию Субедея в Приложении 1).

Общая численность армии завоевателей. Таким образом, можно предположить, что в монгольском походе на Русь принимали участие воины из многих покоренных монголами народов Центральной Азии, Сибири и Восточной Европы. В то же время вопрос о численности этих вспомогательных контингентов и их удельном весе в монгольской армии остается открытым. Следует, вероятно, остановиться на осторожной оценке численности войска хана Батыея: 30–35 тысяч монгольских воинов и не поддающееся точному определению количество воинов из покоренных народов – от 30–35 тысяч (вряд ли их было меньше числа собственно монгольских всадников) до 60–70 тысяч (если мы примем за основу соотношение, приведенное у Юлиана). Таким образом, суммарную численность монгольского войска можно оценить в диапазоне от 60 до 100 тысяч воинов. При этом следует подчеркнуть, что не всегда хан Батый располагал этими силами одновременно: часть отрядов, по сообщению восточных источников, совершала самостоятельные походы против непокорившихся половцев, болгар и аланов, а после осады Киева крупные монгольские отряды вместе с ханами Менгу и Гуюком покинули армию и направились обратно в Монголию. Тем не менее, численность монгольского войска была по тем временным меркам весьма значительной. Мы не должны забывать, что большинство войн средневековья велось небольшими, с нашей точки зрения, армиями, которые, по меткому выражению французского историка Фернана Броделя, «уместились бы на ладони». Решающей была не численность воинов, а их боевые качес-

тва, общий уровень организации войска. А в этом отношении монголы далеко превосходили своих противников.

Недостаток надежных данных не позволяет достоверно судить о численности войск, которые могли выставить против монголов народы Восточной и Центральной Европы. Половцы и другие кочевые народы, населявшие восточноевропейские степи, при общей оценке их численности в 500–600 тысяч человек, могли выставить (предположительно) около 100 тысяч конных воинов. Вся Русь, имевшая в первой трети XIII в. шестимиллионное население, могла противопоставить завоевателям, по различным оценкам военных историков, 100–180 тысяч воинов, но объединение сил страны в условиях феодальной раздробленности оказалось неосуществимым. Волжская Булгария, столица которой имела столичное население, в случае военной опасности могла собрать войско в несколько десятков тысяч человек. Примерно такое же по численности войско выставляли и воинственные народы Северного Кавказа, с которыми монголам пришлось вести затяжную и кровопролитную войну. Значительными военными силами располагали Венгрия и польские княжества, затронутые нашествием. Следовательно, во время походов 1236–1242 гг. армии Батыя пришлось столкнуться с противниками, военные силы которых насчитывали в сумме свыше 500 тысяч человек.

Однако феодальная раздробленность государств Восточной и Центральной Европы и связанный с ней феодальный характер их вооруженных сил во многом предопределили исход этого столкновения в пользу завоевателей. Монгольская армия, объединенная единым командованием, разбивала разрозненные силы своих противников по частям. Монгольские военачальники могли сравнительно небольшими силами громить войска противника в полевых сражениях и брать укрепленные города, используя хашар и передовую по тому времени военную технику. Разумеется, значительные потери при этом несли и монголы, о чем сохранились прямые свидетельства письменных источников. Но все же внезапность удара и тщательная подготовка к вторжению позволили монголам добиться решающего перевеса над их противниками.

Монгольские полководцы. В завершение этой главы необходимо сказать несколько слов о тех людях, которые подготовили вторжение в Восточную Европу и непосредственно руководили боевыми действиями. Фактическим руководителем нашествия был Субедей, имевший огромный боевой опыт и как никто другой

знавший потенциальных противников монгольской армии в этом регионе. «Сокровенное сказание» прямо говорит о том, что Бату, Гуюк, Менгу, Бури и другие «царевичи» были отправлены «на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингизхане». Официальным главой похода, по свидетельству источников, считался хан Батый (к началу похода ему было около 28 лет), однако «Юань ши» приводит интересные свидетельства того, что далеко не всегда Субедей беспрекословно ему подчинялся. Только политический вес Батыя, который он имел как правитель Улуса Джучи, позволил ему стать во главе объединенного монгольского войска, направлявшегося на покорение Восточной Европы. Можно предположить, что во время похода военный и политический опыт Батыя значительно вырос: события второй половины 1240-х гг. показывают, что авторитет Батыя был достаточно велик не только в его улусе, но и в масштабах всей Монгольской империи. Анализ имеющихся источников позволяет составить сравнительно полный перечень и других ханов-чингисидов, принимавших участие в «западном походе», с указанием их возраста на 1236 г. и степени родства с Чингис-ханом: сыновья Джучи – Орда (около 30), Берке (27), Шейбан (до 26), Тангут (до 26), Сонкур (до 26); сыновья Угедея – Гуюк (31), Кадан (до 28); сын Чагатая Байдар (до 28) и внук Бури (около 17); сыновья Толюя – Менгу (27), Бучек (около 18); пятый сын Чингис-хана Кулькан (до 30) и внучатый племянник Аргасун (до 28). Авторы созданных при дворах монгольских правителей произведений: «Сокровенное сказание», «Юань ши», «Сборник летописей» Рашид ад-Дина – потратили немало усилий для прославления их завоевательных подвигов.

Г л а в а I V

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ РУСЬ

Завоевание *Волжской Булгарии*. Осенью 1236 г. основные силы монгольской армии, пришедшие из Монголии, соединились с отрядами Улуса Джучи у границ Волжской Булгарии. Поздней осенью или в начале зимы 1236 г. монголы начали завоевание Булгарии. «Тое ж осени, – сообщает летописец, – придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожные татары, и взяша славный Великий город Болгарьский и избиша оружием от страца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город пожегоша огнем, и всю землю их плениша». Данные русских летописей подтверждают и восточные источники, которые сообщают о полном разгроме Булгарии. Страна была страшно опустошена. Археологические данные свидетельствуют, что почти все ее города были разрушены (Булгар, Биляр, Кернек, Жукотин, Сувар).

Весной 1237 г. монгольские войска начали боевые действия против половцев, аланов, буртасов и мордвы, двинувшись от Волги на запад «облавой». Этот поход имел целью подготовить плацдарм для последующего нашествия на Северо-Восточную Русь. Армия Батыя нанесла сильный удар по половцам и аланам, оттеснила половецкие кочевья на запад, за реку Дон, и завоевала земли буртасов и мордвы.

Осенью того же года монголы начали подготовку к зимнему походу на Северо-Восточную Русь. Рашид ад-Дин сообщает, что «осенью упомянутого года (1237 г.) все находившиеся там царевици устроили курултай и, по общему соглашению, пошли войной на русских».

Монголы у границ Руси. Анализ источников дает возможность примерно установить районы концентрации монгольских войск для похода на русские княжества. Так, доминиканский монах Юлиан в своем письменном донесении римскому папе осенью 1237 г. сообщал, что монголы разделили свои войска на несколь-

ко частей: «одна часть у реки Этиль (Волга) на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских». Сведения Юлиана подтверждаются и русскими летописями.

Местом сосредоточения главных сил монгольской армии стали низовья реки Воронеж. Не исключено, что другая часть войск (как сообщает Юлиан) собиралась восточнее и впоследствии присоединилась к группировке, двигавшейся от Воронежа. Что касается сообщения о концентрации части монгольских войск на Волге, на суздальских рубежах, то оно вызывает некоторые сомнения, так как летописи ничего не сообщают об их появлении с этой стороны; весьма вероятно, что поток многочисленных беженцев из Волжской Булгарии, хлынувший на Суздальщину с востока, позволил русским ожидать появления завоевателей именно с этой стороны. Кроме того, возможно, что на северных границах Булгарии находились сторожевые монгольские заставы.

Анализ сведений, имеющих в восточных источниках, позволяет предположить, что не все силы монгольской армии были задействованы в походе на Северо-Восточную Русь. Рашид ад-Дин, описывая боевые действия монголов в русских землях, называет имена только семи ханов-чингисидов: Бату, Орда, Гуюк, Менгу, Кулькан, Кадан и Бури. По-видимому, войска только этих ханов и тумены Субедея и Бурундая сосредоточились близ рязанских границ для зимнего похода на Северо-Восточную Русь. Отряды же некоторых других «царевичей» находились, вероятно, у границ Волжской Булгарии, так как «тамошние вожди Баян и Джикю ... опять возмутились». К сожалению, сведения Рашид ад-Дина отрывочны и фрагментарны, что не позволяет дать точную датировку и более полное описание этих событий. Однако можно предположить, что значительная часть монгольской армии зимой 1237/38 гг. находилась в степях Восточной Европы и занималась подавлением последних очагов сопротивления в Волжской Булгарии и в соседних землях, в частности на Нижней Волге, где борьбу с монголами вел половецкий предводитель Бачман. Кроме того, часть сил должна была быть оставлена для охраны базового лагеря, в котором находились многочисленные пленные и богатая добыча, захваченная в ходе боевых действий. Здесь же, вероятно, был собран отобранный у разбитых половцев скот, который был необходим для продовольственного обеспечения армии.

Часто в исторической литературе высказывается мнение о неожиданности нападения монголов на русские княжества, однако источники свидетельствуют о другом: некоторым князьям, по крайней мере владимирским и рязанским, было известно о готовившемся нашествии. Сведения, передаваемые многочисленными беженцами, позволяли князьям знать не только о самом факте подготовки нападения на Русь, но и о времени его начала. По сообщению того же Юлиана, находившегося осенью 1237 г. в пределах Руси, «татары, как передавали нам сами русские, венгры и болгары, ждут того, чтобы земли, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских». Даже если допустить, что наступление монгольских войск именно зимой планировалось как тактическая внезапность для русских князей, привыкших к осенним набегам половцев, то ни о какой неожиданности этого нападения не могло быть и речи, так как можно достаточно уверенно предположить, что князья давно знали о подготовке нашествия и располагали сведениями о предполагаемом противнике.

С началом зимы армия завоевателей вплотную придвинулась к границам Рязанского княжества. Монгольское войско стало лагерем «на Онузе», отмеченной летописцами и располагавшейся, по мнению В. В. Каргалова, «в районе среднего течения рек Лесной и Воронеж, возможно, между ними, против широкого (15–20 км) прохода в массиве лесов». Отсюда Батый направил к князю Юрию Ингваревичу Рязанскому посольство с требованием покорности и дани. Рязанские князья разрешили послам проехать во Владимир, а к Батыю было отправлено ответное посольство во главе с князем Федором Юрьевичем (сыном князя Юрия) «с дары и моления великими, чтобы не воевал Рязанския земли». Одновременно к великому князю Юрию Всеволодовичу во Владимир, а также в Чернигов были отправлены послы с просьбой о помощи. Однако военной помощи от других русских земель рязанские князья не получили. Обычно летописи объясняют отказ помочь Рязани желанием Юрия Всеволодовича «биться особо» и давней враждой между Рязанью и Владимиром (М. И. Иванин). Но анализ летописных сведений показывает, что быстрое продвижение монгольской армии было неожиданностью для владимирского князя и не оставило времени для подготовки войска в помощь Рязани. Кроме того, владимирский князь получил предложение Батыя «о мире», и если даже он не поверил ему, то, несомненно, попытался использовать переговоры

для отсрочки нападения на свое княжество, что было крайне необходимо для собирания сил.

Нашествие на земли Рязанского княжества. В освещении событий завоевания монгольскими войсками Рязанского княжества в исторической литературе нет достаточной ясности. Часть исследователей (Д. И. Иловайский, Д. И. Троицкий, в советской историографии – В. Т. Пашуто) полагают, что рязанские князья строго придерживались оборонительного плана ведения войны и сразу «затворились в градах». Другие историки (М. И. Иванин, Е. А. Разин, В. В. Каргалов) допускают, что осаде Рязани предшествовало большое сражение где-то на рубежах Рязанской земли. Свидетельства летописцев об этом этапе нашествия Батыя очень противоречивы. Вполне вероятно, что рязанские дружины пытались остановить монгольские авангарды на подступах к городам, используя засеки на труднопроходимых участках дорог, но безуспешно.

Разгромив города Пронск, Белгород и Ижеславец на юге княжества, монголы 16 декабря 1237 г. осадили Рязань. После непрерывного шестидневного штурма, сильно измотавшего защитников, 21 декабря город был захвачен и подвергнут страшному разгрому, во время которого погибло большинство населения: монголы убили «князя (Юрия Ингваревича) и княгину, и мужи, и жены, и дети, черныца и черноризиць, и иерея». Свидетельства письменных источников полностью подтверждаются археологическими данными. Разгромив Рязань, войска Батыя двинулись вверх по реке Оке к Коломне, разрушая приокские города: Ожск, Ольгов, Переяславль-Рязанский, Борисов-Глебов. Время подхода монголо-татар к Коломне неизвестно, но, надо полагать, это было не ранее 10 января 1238 г.

Город Коломна был пунктом, в котором собирались владимирские полки под началом князя Всеволода Юрьевича и воеводы Еремья Глебовича и остатки рязанских сил во главе с братом Юрия Романом Ингваревичем для отпора войскам Батыя, так как заболоченный лесной массив к северу от реки Оки, по обе стороны реки Пры, почти безлюдный, был совершенно не приспособлен для прохода значительных масс конницы. Единственный удобный путь к центру Владимирского княжества лежал по льду Москвы-реки. Здесь, у Коломны, в стратегически важном пункте, собирались войска владимирского князя для отражения нашествия.

В исторической литературе порой недооценивается коломенское сражение, оно сводится чуть ли не к столкновению с монгольскими авангардами дозорного владимирского отряда. В. Т. Пашу-

то, например, оценивая сражение под Коломной, пишет: «Правда, из Владимира был прислан на рязанское пограничье дозорный отряд воеводы Еремея Глебовича, который, однако, вместе с рязанским полком был окружен в Коломне». Справедливую критику подобной точки зрения дал В. В. Каргалов, который пришел к выводу, что «по количеству собранных войск и упорству сражения можно считать бой под Коломной одним из самых значительных событий похода Батыея на Северо-Восточную Русь. Это была попытка объединенной владимирской рати сдержать наступление на рубежах Владимирского княжества». Рашид ад-Дин отмечает, что под Коломной погиб сын Чингис-хана Кулькан: «Кулькану была нанесена там рана, и он умер». При монгольских обычаях ведения боя, когда и сотники, и тысячники, и темники, не говоря уже о ханах, руководили войсками, находясь позади боевых линий, гибель царевича-чингисида (каким был Кулькан) была возможна лишь в большом сражении, которое сопровождалось нарушением боевого порядка и глубоким прорывом противника. Русские воины «бишася крепко и бысть сеча велика», однако монголы, имевшие значительный перевес в силах, смяли владимирские полки и «погнаша их к надолбам, и ту убиша князя Романа, а у Всеволожа воеводу его Еремея, и иных много мужей побиша, а Всеволод в мале дружине прибежа в Володимерь».

Вторжение во Владимиро-Суздальское княжество. Разгромив под Коломной владимирскую рать и рязанские отряды и разграбив город, монгольские войска двинулись по льду Москвы-реки дальше на север, в глубь владимирских земель. Москва, которая, по данным В. Н. Татищева, была захвачена войсками Батыея 20 января, оказала упорное сопротивление. Рашид ад-Дин отмечает, что только «сообща в пять дней» монголы взяли Москву. По данным Джувейни, завоеватели «оставили от этого города только имя его». Разграбив город и убив его молодого князя Владимира, сына великого князя Юрия Всеволодовича, войска Батыея двинулись по льду Клязьмы к Владимиру. Движение по льду рек, этому единственно удобному пути зимой в лесных массивах с глубоким снежным покровом, было характерным для нашествия Батыея этого периода.

Поход монгольских войск от Рязани к Владимиру интересен еще и тем, что позволяет выяснить среднюю скорость движения армии Батыея с обозами и осадной техникой в условиях зимы и лесистой местности. Расстояние в 450 км армия завоевателей преодолела за 43 дня. Если вычесть недолгую задержку под Колом-

ной и пятидневную осаду Москвы, то получается, что конное войско шло идеальными ледовыми дорогами от Рязани до Владимира 37 дней. Следовательно, средняя скорость движения главных сил Батыея с обозами и осадными машинами равнялась примерно 12 км в сутки. Однако, по свидетельствам современников, даже масса монгольских войск в случае необходимости могла совершать суточные переходы до 80 км. Объяснить столь низкие темпы движения от Рязани до Владимира можно лишь упорным сопротивлением безвестных городков и крепостей, которые задержали продвижение монгольских войск. В более поздних источниках сохранились смутные отголоски этой борьбы, например, предание о рязанском боярине Евпатии Коловрате, который с небольшой дружиной совершал смелые нападения на отряды завоевателей. По этому преданию, мужеству русских воинов из отряда Евпатия Коловрата отдал должное сам хан Батый.

Другой причиной медленного продвижения армии монголов были условия местности. По свидетельству Джувейни, монголы испытывали немалые трудности в русских лесах («та сторона такими лесами и дубравами покрыта, что там и змея не проползет») и вынуждены были прокладывать широкие дороги для транспортировки большого количества осадных машин, необходимых для взятия русских городов. Не последнюю роль играла, вероятно, и численность армии вторжения. Войска Батыея насчитывали несколько десятков тысяч воинов и значительное количество лошадей, так как каждый монгольский всадник, отправляясь в поход, должен был иметь не менее двух запасных лошадей. Монгольские военачальники, определяя оптимальное количество лошадей для похода на Северо-Восточную Русь, где в заснеженных лесах практически не было подножного корма, вероятно, сократили их число до минимума, оставив часть запасных табунов в базовом лагере, который находился в поволжских степях. Тем не менее, поиски каждодневного корма для такого количества лошадей вынуждали монголов совершать рейды далеко в стороны от направления маршрута движения. Кроме того, по льду нешироких рек конница Батыея была вынуждена передвигаться узкой и длинной колонной. Расчеты показывают, что даже при движении по 20 всадников в ряд колонна неизбежно должна была растянуться почти на 30 км. Все это, несомненно, значительно снижало скорость движения монгольской армии.

Падение Владимира. К столице Северо-Восточной Руси, городу Владимиру, монгольские войска подошли в начале февраля.

Великий князь владимирский Юрий Всеволодович покинул город и отступил на север, чтобы собрать дополнительные силы. Во Владимире остались его жена и двое сыновей – Всеволод и Мстислав. обороной города руководил воевода Петр Ослядюкович. В. В. Каргалов считает, что Владимир был осажден войсками Батые 4 февраля 1238 г., а некоторые исследователи полагают, что осада началась одним или двумя днями раньше. Подобное расхождение возникло из-за того, что в летописях по данному вопросу нет достаточной ясности. Старейшая Лаврентьевская летопись, которая содержит наиболее полное описание осады Владимира, имеет в датировке событий явную ошибку, послужившую отправной точкой для разногласий среди исследователей.

В Лаврентьевской летописи имеются две полные даты: «месяца февраля в 3 день, на память святого Симеона, во вторник прежде мясопуста за неделю» – приход Батые к Владимиру; «в неделю мясопустную... месяца февраля в 7 день, на память святого мученика Феодора Стратилата» – взятие города. Подтверждая указание первой даты на то, что монгольские войска подошли к стенам Владимира «прежде мясопуста», вторая дата вместе с тем обнаруживает, что в обозначение числа или в название дня недели в первой дате вкралась ошибка: если 7 февраля приходилось на «неделю» (что соответствует точным календарным расчетам), то 3 февраля было в среду, а вторник приходился на 2 февраля. В чем же описка – в числе месяца или в дне недели? Следует ли исправить дату на 2 февраля, вторник, или на 3 февраля, среду? Вообще говоря, ошибка легче возникает в числе месяца (искажение буквы-цифры), чем в дне недели (замена одного слова другим). В данном случае летопись обозначает день месяца в развернутой форме с указанием поминаемого святого, и это обстоятельство, казалось бы, предполагает ошибку в дне недели. Такая ошибка могла возникнуть во время переписывания летописи либо в результате нечеткости начертания слова («среда») в той рукописи, с которой производилось списывание, либо потому, что в рукописи не был обозначен день недели, а переписчик-редактор пожелал его указать, определил неверно и написал «вторник». Однако имеются некоторые обстоятельства, позволяющие усомниться в вышеизложенном предположении.

Дело в том, что кроме ошибки в первой дате имеется ошибка и во второй (несоответствие числа месяца дню памяти святого), позволяющая предположить, что имена поминаемых святых были вписаны редакторами-переписчиками в более поздние своды,

один из которых и являлся протографом Лаврентьевской летописи. При этом условии возможность появления ошибки в числе месяца следует признать более вероятной. Дата прошла несколько этапов трансформации, но восстановить ее в первоначальном варианте все-таки представляется возможным.

Если монголы подошли к Владимиру 2 февраля, то дата в ее первоначальном виде вряд ли обозначала день месяца только числом, она отмечала совпадение их прихода с праздником сретения Господня и выглядела примерно так: «месяца февраля во второй день, в праздник устретенья Господа нашего Иисуса Христа, во вторник прежде мясопуста за неделю». Во второй же дате уточнение, что Владимир был взят «на память святого мученика Феодора Стратилата» отсутствовало.

То, что монгольские войска, скорее всего, подошли к Владимиру 2 февраля, подтверждается и некоторыми косвенными данными. Рашид ад-Дин сообщает, что монголы, «осадив город Юргия Великого (Владимир), взяли его в 8 дней», т. е. более вероятно, что осада города длилась со 2 по 7 февраля (6 дней), чем с 3 по 7-е (5 дней). Кроме того, летописи сообщают, что войска Батыея «станы свои урядив около града Володимерья, а сами следом взяша град Суждаль». От Владимира до Суздаля чуть более 30 км, которые монгольская конница могла пройти за один дневной переход. Суздаль оказал сопротивление, так как завоеватели «двор княжь огнем пожгоша и монастырь святого Дмитрия и прочи разграбив пожгоша, а люди ... иссекоша, а прочие люди ... во множество сведоша полона в станы своя». Подобные меры монголы практиковали в основном в тех случаях, когда города сразу не сдавались «на милость победителя» и оказывали сопротивление. Захватив Суздаль, монгольский отряд, по данным Тверской летописи, вернулся к Владимиру «с полоном» 5 февраля, в пятницу. Исходя из приведенных выше обстоятельств захвата Суздаля можно предположить, что на это войскам Батыея понадобилось, как минимум, трое суток: сутки на переход, сутки на штурм и разграбление города и его окрестностей и, вероятно, даже более суток на то, чтобы вместе с многочисленными пленными вернуться к Владимиру. Если этот отряд возвратился к Владимиру вечером 5 февраля, то двинуться к Суздалю он мог никак не позднее, чем 2 февраля.

Штурм столицы Северо-Восточной Руси был начат после того, как осадные машины проделали в стенах города проломы. Защитники Владимира оказали монголам отчаянное сопротивление. Рашид ад-Дин отмечал, что «они ожесточенно дрались. Менгу-хан

лично совершил богатырские подвиги, пока не разбил их (русских)». Монголы «взяша въскоре град до обеда Новии и запалиша огнем»; защитники города бежали в средний, «Печерный город», а вслед за ними туда ворвались и «татарове». Далее летописцы сообщают о драматическом эпизоде поджога монгольскими войсками соборной Успенской церкви, где собралась великокняжеская семья и «множество бояр и народа». Сама церковь не загорелась, но собравшиеся там люди «изнемогаюшася от великаго зноя» и дыма. Монголы «иных оружием до конца предаша смерти, а святую церковь разграбиша, и чюдную икону самую Богоматере одраша». Гибель укрывшихся в соборе людей – это последний и самый трагический эпизод обороны Владимира.

Разорение русских городов монголами. После взятия Владимира монгольские войска начали громить города Владимиро-Суздальской земли. Армия Батыея разделилась на несколько крупных отрядов и двинулась от Владимира по основным речным и сухопутным торговым путям, захватывая города, являвшиеся центрами сопротивления: «И поидоша на великого князя Юрья оттоле. Ови же идоша к Ростову, а иния на Волгу и на Городец, и те поплениша все по Волзе и до Галича Володимерьскаго. А иные идоша к Переяславлю, и тот град взяша, оттоле всю страну ту, и города мнози поплениша: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, ту же и сына Ярославля (князя Ярослава Всеволодовича, брата великого князя Юрия) убиша, и до Торжку, несть места, идеже не повоеваша».

Определяя стратегический замысел монгольских военачальников, В. Т. Пашуто пишет: «Далее основная часть татаро-монгольского войска под командованием Бурундая двинулась на север против князя Юрия. Чтобы князь Юрий не получил помощи из Новгорода, в котором правил его племянник Александр Ярославич, татаро-монгольские воеводы предусмотрительно осадили Торжок». Примерно такого же мнения придерживается и В. В. Каргалов, однако он более точно определяет маршруты движения отдельных монгольских отрядов. По его предположению, «монгольские отряды двинулись от Владимира в трех основных направлениях: на север, к Ростову, на восток – к Средней Волге (на Городец), на северо-запад – к Твери и Торжку. Основные силы Батыея шли от Владимира на север для разгрома великого князя Юрия Всеволодовича». Далее, по мнению В. В. Каргалова, после разгрома войск князя Юрия Всеволодовича в битве на реке Сити монгольские войска, не пытаясь сосредоточиться ни у Торжка, ни у какого-либо другого пункта, широким фронтом двинулись «об-

лавой» от Волги на юг. Монгольская «облава» охватила огромную территорию от средней Волги вдоль Клязьмы и средней Оки до Смоленска, и только у города Козельска, назначенного, вероятно, пунктом сбора, все монгольские рати соединились.

Можно практически полностью согласиться с мнением В. В. Каргалова относительно маршрутов движения отдельных монгольских отрядов: завоеватели не могли идти напрямик через заснеженные, труднопроходимые лесные массивы и поэтому, по мере возможности, продвигались по замерзшим рекам. Однако ряд обстоятельств позволяет утверждать, что направление главного удара было выбрано не на север, в погоню за князем Юрием Всеволодовичем, а на Торжок и Новгород. В первую очередь необходимо отметить, что монгольский отряд, штурмовавший Переяславль-Залесский и далее захвативший все города в западном направлении, был очень крупным. Рашид ад-Дин сообщает, что «город Переяславль, коренную область Везеслава (Всеволода) они взяли сообща в 5 дней». Слово «сообща» указывает на то, что многие ханы-чингисиды со своими отрядами участвовали в осаде Переяславля, т. е. именно здесь были сосредоточены основные силы монгольской армии. Переяславль, стольный город Ярослава Всеволодовича, был хорошо укреплен, имел мощные оборонительные сооружения, и войска Батыя смогли захватить его лишь после пятидневной осады.

Битва на реке Сити. Почему Батый со своей ставкой, обозами и многочисленными пленными оказался у Торжка, на пути к Новгороду, а не двинулся против князя Юрия на реку Сить? Вероятно, Батыю незачем было отправлять крупные силы в заволжские леса, в сторону от основных дорог, где было недостаточно корма для лошадей, против Юрия Всеволодовича, войск у которого было очень мало. Известно, что на Сить привели свои дружины брат великого князя Святослав Всеволодович и племянники Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи. Рашид ад-Дин изображает поход Бурундая как погоню за бежавшим «в лес» князем, которого затем «поймали и убили». Следует вспомнить, что преследование бежавшего из столицы правителя было обычным явлением для военной тактики монголов. Так было во время похода Чингис-хана в Среднюю Азию, когда в погоню за бежавшим хорезмшахом Мухаммедом были отправлены Субедей и Джебе, и во время вторжения Батыя в Венгрию, когда хан Кадан преследовал бежавшего венгерского короля Белу IV. В обоих случаях в погоню были выделены сравнительно небольшие отряды,

составлявшие не более 10–15 % от общей численности войск. Можно не сомневаться в том, что в заволжские леса против князя Юрия Всеволодовича был отправлен именно такой отряд, имевший целью завершить разгром остатков владими́ро-суздальских полков и обезопасить тылы Батыя при походе на Новгород.

Такое предположение подкрепляется и анализом данных китайской династической хроники «Юань ши». Завоевание Руси, датированное 1240 г. (хронология этого источника весьма неточна, особенно в отношении событий, проходивших далеко от Китая), описывается в «Юань ши» весьма кратко. Повествование в основном концентрируется на эпизоде разгрома и гибели вражеского предводителя – как и в описаниях завоеваний других стран (государства хорезмшахов, половецкой земли и т. д.): «Тайцзун приказал чжувану Бату и прочим пойти карательным походом на владетеля племени у-лу-сы (урусы, т. е. русские) Е-ле-бань. Ему было нанесено поражение, город Ту-ли-сы-гэ был окружен, но не взят. Бату подал доклад [императору], [чтобы] прислали Субэтай руководить сражением, Субэтай выбрал из ха-би-чи (войска из покоренных народов) войско и пятьдесят с лишним человек [их] це-лянь (предводителей, князьков), которые усердно работали на него, в одном сражении взял Е-ле-баня. [Субэтай] выдвинулся [вперед], атаковал Ту-ли-сы-гэ и за 3 дня овладел им, полностью взял племя тех русских и вернулся».

Следует отметить, что перед нами небольшой цельный рассказ, посвященный сравнительно кратковременному эпизоду. Это видно по насыщенности событий (нанесено поражение «владельцу русских» – начато окружение города «Ту-ли-сы-гэ» – владетель «взят» – после этого Субедей прибывает к осажденному городу и берет его в три дня). Обратившись к истории похода Батыя на Русь, мы можем выделить эпизод, который точно отвечает описанной в китайской хронике ситуации. Это февраль – начало марта 1238 г., когда монгольские войска одновременно преследовали «владельца племени у-лу-сы» (так мог быть назван только великий князь владимирский Юрий Всеволодович, самый сильный и влиятельный князь на Руси) и осаждали город «Ту-ли-сы-гэ», т. е. Торжок, под которым войско хана Батыя, по сообщениям русских летописей, задержалось на две недели (отметим, что и китайские, и русские источники согласованно отмечают присутствие хана Батыя именно в этом отряде). Юрию действительно было «нанесено поражение» еще до его окончательного разгрома и гибели – под Коломой и Владимиром. По «Юань

ши», Субедей отправил против него крупный отряд, в который входили представители покоренных народов. Русские летописи называют имя командира этого отряда – Бурундай. Именно эти силы и нанесли поражение русскому войску в битве на реке Сити, в которой пал Юрий Всеволодович. Интересно отметить одну семантическую деталь. В тексте китайского источника в отношении судьбы «владельца» использован знак «хо» – со значениями «взять, схватить, заполучить». Если сравнить эти слова с «поймали и убили» у Рашид ад-Дина или данными русских летописей о том, что у князя Юрия Всеволодовича была отрублена голова, то можно высказать предположение, что князь попал в руки монголов и был убит в плену. Это предположение представляется весьма вероятным, тем более что русские летописи свидетельствуют о некоторой неясности в вопросе смерти великого князя, так, например, новгородский летописец записал: «Бог же весть како скончася: много бо глоголють о нем инии».

Точное совпадение общей структуры рассказа и хронологических подробностей (смерть Юрия/«владельца русских» и взятие Торжка/Ту-ли-сы-гэ разделены в независимых друг от друга источниках лишь несколькими днями, см. ниже) в изложении «Юань ши» и русских летописей дают серьезные основания полагать, что в данном фрагменте отразились именно события конца февраля и начала марта 1238 г. на Сити и под Торжком. Таким образом, на основании комплексного анализа данных русских летописей и китайской хроники «Юань ши» можно существенно уточнить картину военных действий в Северо-Восточной Руси в феврале и марте 1238 г. и выделить две крупные группировки монгольских сил: основное войско Батыея, осаждавшее Торжок, и отряд Субедея, преследовавший и захвативший великого князя Юрия Всеволодовича. После победы над Юрием на реке Сити обе группировки соединились и совместными силами овладели Торжком.

Битва на реке Сити, закончившаяся разгромом владимирских полков и гибелью великого князя, произошла, по мнению большинства исследователей, 4 марта 1238 г. Между тем многие летописи указывают, что князь Василько Константинович Ростовский, захваченный монголами в плен во время сражения на Сити, был убит в Шереньском лесу тоже 4 марта. Между средним течением реки Сити, где произошла битва, и Шереньским лесом почти 100 км или три конных перехода в зимних условиях, поэтому очевидно, что одна из дат ошибочна. Поскольку мучениям и гибели мужественного князя Василька в летописи посвящен отдельный до-

вольно подробный рассказ, дата 4 марта, вероятнее всего, относится к его смерти, а битва на Сити произошла на несколько дней раньше – в последних числах февраля или первых числах марта. Подобная ошибка возникла, вероятно, по вине летописцев, которые не знали расстояния от Сити до Шереньского леса и считали, что сражение и убийство Василья Ростовского произошли в один день.

Взятие Торжка. Как уже упоминалось, основные силы монгольской армии во главе с ханом Батыем после разорения Владимиро-Суздальского княжества осадили Торжок, крепость на южных рубежах Новгородской земли, и захватили ее после продолжительной осады: «И бишася пороки по две недели. И изнемогоша людие в городе, а из Новагорода не бысть им помощи...» Взятие Торжка датируется исследователями по-разному: часть ученых (С. М. Соловьев, И. Б. Греков) полагали, что это произошло 23 марта, В. Н. Татищев считал, что Торжок был взят 15 марта, в В. В. Каргалов датирует падение города 5 марта. Для решения данного вопроса обратимся к Новгородской первой летописи, имеющей наиболее полную датировку осады Торжка. В сообщении о взятии Торжка она приводит дату начала осады города – «на собор чистой недели» (в 1238 г. это было 21 февраля), указывает продолжительность осады – около двух недель, и сообщает полную дату падения города – «месяца марта в 5 день, на память святого мученика Никона, в среду средокрестную». Эта полная дата сильно искажена. Поминаемый 5 марта святой назван ошибочно (вероятно, в результате описки) вместо Конона, поминаемого в этот день (мученик Никон значится в святцах под 23 марта). Кроме того, 5 марта в 1238 г. приходилось не на среду средокрестной недели (четвертой недели Великого поста), а на пятницу предыдущей недели. Высказаться относительно первоначальной даты можно лишь предположительно. Скорее всего, в первоначальном варианте дата выглядела примерно так: «месяца марта в 5 день, на память святого мученика Конона, пред средокрестьем» (т. е. средокрестной неделей). Если предположить, что эта фраза находилась в нижней части летописной страницы, то она могла быть со временем сильно повреждена или частично обрезана во время переплета. При последующем переписывании летописи переписчик не смог полностью правильно прочитать фразу и по ошибке заменил слова «Конона» на «Никона» и «пред» на «среду». Как бы то ни было, дата 5 марта соответствует указанию на то, что монголы подошли к Торжку в соборное воскресенье и что осада города длилась две недели, а потому она является наиболее приемлемой по сравнению с приводимыми здесь же уточнениями. Кроме

того, по свидетельству Тверской летописи, монгольские отряды дошли к Торжку «месяца февраля в 22 день», т. е. называется примерно та же дата начала осады. С учетом того, что город оборонялся около двух недель, можно считать, что Торжок был взят именно 5 марта 1238 г., как об этом сообщает Новгородская первая летопись.

Все другие датировки, встречающиеся в некоторых работах исследователей, являются результатом указанной неточности в развернутой дате Новгородской первой летописи. Вероятно, В. Н. Татищев взял дату падения Торжка из Никоновской летописи, где говорится, что город был захвачен монголами 15 марта. По-видимому, автор, занимавшийся составлением данной летописи, рассчитав, что средокрестная неделя в 1238 г. продолжалась с 8 по 14 марта, усомнился в дате 5 марта, соответствующей такому расчету, и сделал элементарную поправку, добавив десяток: 15 марта ближе к средокрестью, чем 5 марта. День же святого Никона, о котором ошибочно сообщает Новгородская первая летопись, датируя взятие Торжка, отмечался 23 марта. Эта дата появилась у С. М. Соловьева, хорошо знавшего церковный календарь, а затем перешла и в работы некоторых других историков.

Отступление монголов. После разгрома Торжка перед Батыем открылась дорога на Новгород, один из богатейших торговых и ремесленных городов всей Восточной Европы. Однако, как сообщают летописи, монголы «гоняшася ... от Торжку Серегерским путем до Игнача креста, и все людие секуще, аки траву, за сто верст до Новагорода не дошли». Долгое время историки, не зная истинных причин, заставивших монгольскую армию повернуть обратно, объясняли подобный поворот событий наступлением весны, которая будто бы превратила новгородские леса и болота в топи, непроходимые для монгольской конницы. Подобная точка зрения широко распространена и в зарубежной историографии, часто находит отражение как в специальных работах некоторых современных исследователей, так и в соответствующих разделах общих исторических трудов. В частности, учебник по истории СССР для студентов высших учебных заведений, изданный под редакцией академика Б. А. Рыбакова, дает именно такую трактовку причин начала отступления армии Батые в степи.

Между тем летописцы сообщают, что монгольские войска двинулись по направлению к Новгороду немедленно после падения Торжка, а март в новгородских землях – еще зимний месяц, с морозами и достаточно прочным льдом на реках. По некоторым данным, в XIII в. в северном полушарии наблюдалось повсеместное

похолодание, которое климатологи называют малым ледниковым периодом. Более того, учеными на основе анализа источников доказано, что зима 1237/38 гг. была затяжной и суровой как на Руси, так и во всей Европе, а потому реки в новгородских землях могли вскрыться не ранее, чем во второй половине апреля. Год на год, конечно, не приходится, но стоит вспомнить, что в начале апреля 1242 г. на Чудском озере лед еще выдерживал массу тяжеловооруженных конных рыцарей, а Чудское озеро и Селигерский путь, представляющий собой замерзшие болота, реки и озера, тянущиеся от Торжка до самого Новгорода, находятся примерно на одной географической широте.

Косвенным подтверждением того, что вовсе не весенняя распутица спасла Новгород от погрома, служит объяснение, данное новгородскими летописцами: «Новгород же заступи Бог ... святая София и святой Кюрил и святых архиепископ молитва». Летописцы не видели реальных причин неожиданного поворота монгольского войска всего «за 100 верст до Новагорода» и объясняли его вмешательством небесных сил. Приведенная выше летописная фраза позволяет установить дату, когда монголы повернули обратно. Упоминание святого Кирилла, чья память отмечалась 18 марта, дает возможность предположить, что именно в этот день в Новгороде была получена весть о повороте монгольской армии. Сам же поворот произошел, вероятно, двумя-тремя днями раньше (15 или 16 марта) у «Игнача креста».

В исторической литературе нет единого мнения относительно того, где находился упомянутый в летописи Игнач-крест. Часть исследователей считает, что искать его следует примерно в ста километрах от Новгорода, другие исходят из того, что до XVIII в. существовала межевая верста, равная 2,13 км, и полагают, что крест находился в 213 км от Новгорода. Между тем обращение к Новгородской первой летописи, донесшей до нас название «Игнач крест», позволяет установить истину. О верстах летописец писал не только в связи с походом Батыя. В 1240 г. в новгородскую землю вторглись ливонские рыцари и «Тесов взяша, и за 30 верст до Новагорода гоняшася, гость биюче; а семо Лугу и до Сабля». Тесовский погост был расположен в 48 км от Новгорода, а Сабельский погост – в 40 км. Однако летописец указывает, что ближайший от Новгорода пункт, оказавшийся в руках противника, находился в 30 верстах. Словом, 30 верст – это меньше, чем 40 км. Далее, в 1242 г. во время Ледового побоища, разбив крестоносцев на льду Узмени (соединяющей псковское и Чудское озера в месте

битвы), новгородцы «биша их на 7 верст по льду до Суболичьского берега». Но ширина Узмени в месте битвы не превышает 8 км, т. е. летописец оперирует не межевými (двойными) верстами, а обычными, которые чуть больше километра. Таким образом, монголы 6 марта двинулись от Торжка Селигерским путем и, не дойдя до Новгорода чуть более 100 км, 15 или 16 марта повернули обратно. Расстояние в 200 км было пройдено ими примерно за 10 дней, что соответствует средней скорости движения армии Батые в условиях зимы и лесистой местности.

Основной причиной, побудившей Батые отказаться от похода на Новгород, было, вероятно, то, что его войска оказались разделены на несколько крупных отрядов и разбросаны на огромном пространстве. Город Торжок осаждала и взяла штурмом только часть монгольского войска, которую возглавлял сам Батый. Часть войск находилась под Тверью, которая, как и Торжок, пала в начале марта. Еще несколько больших отрядов находилось на Волге, в районе Ярославля и Костромы. Батый не успел в нужный момент собрать под Торжком достаточно сил, чтобы штурмовать Новгород. Возможно, отряд самого Батые начал продвижение к Новгороду, а его авангарды продвинулись даже до Игнач-креста, находившегося в 100 верстах от города, где получили приказ вернуться. Не дождавшись подкреплений, Батый не решился продолжать движение к Новгороду, так как было очевидно, что с имеющимися у него силами нельзя захватить этот многолюдный и хорошо укрепленный город быстро, до наступления весенней распутицы. Даже сравнительно небольшой Торжок, «пригород» Новгорода, оборонялся две недели. Для штурма Новгорода требовались объединенные силы всей монгольской армии, а они в начале марта были разбросаны на огромной восточноевропейской равнине, ослаблены боями и сдерживались обозами с добычей.

В. В. Каргалов считал, что монголы и не пытались организовать наступление на Новгород, а ограничились разорением Владимиро-Суздальских земель. По его мнению, в начале марта монгольские войска, вышедшие на рубеж реки Волги, широким фронтом из мелких отрядов начали отступление на юг через Северо-Восточную Русь вдоль реки Клязьмы, в общем направлении к городу Козельску, где был назначен сбор всего войска. Следовательно, по мнению В. В. Каргалова, все монгольские отряды знали стратегический план уже сразу после взятия Владимира и, захватив поволжские города, разгромив на Сити войска Юрия Всеволодовича, двинулись «облавоу» в заранее намеченный пункт, подвергнув «сплошному

опустошению все междуречье Оки и Волги». Подобная трактовка стратегических планов монгольских военачальников не может соответствовать действительности по ряду причин. Прежде всего необходимо отметить, что после взятия Владимира, рассылая отряды для разорения других городов княжества и уничтожения остатков великокняжеских полков, Батый не мог приказать им с приближением весны идти на соединение к далекому малоизвестному Козельску. О существовании этого небольшого города монгольские ханы, вероятно, даже и не знали. Скорее всего, сбор всем отрядам был назначен в верховьях Волги. Монгольские военачальники, несомненно, знали, что Волга берет свое начало где-то недалеко от Новгорода и даже могли примерно рассчитать, сколько времени понадобится для того, чтобы все отряды могли вовремя собраться для похода на богатый северный город. Необходимую информацию монголы могли получить как от своих разведчиков или русских пленных, так и от захваченных ранее в плен восточных купцов, торговавших с Новгородом и хорошо знавших волжский торговый путь. Следует обратить внимание и на сообщение Рашид ад-Дина о том, что после того как монголы убили ушедшего в леса князя Юрия, «они ушли оттуда, порешив в совете идти туменами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся, брать и разорять». Упомянутый совет, на котором было принято решение о начале отступления «облавой» на юг, мог состояться только в ставке Батыя, официально возглавлявшего поход и находившегося в районе верховьев Волги. Вероятно, этот совет был проведен непосредственно после взятия Торжка, когда к войску Батыя присоединились отряды Субедея, который и осуществлял общее стратегическое руководство походом. Кроме того, монгольские отряды не могли идти назад по разоренным ими же землям Северо-Восточной Руси, так как там уже не было фуража для лошадей и тех «городов» и «крепостей», которые можно было бы «брать и разорять». И наконец, следует учесть, что примерно в середине апреля вскрылись реки, и к Козельску, прикрытому с северо-востока разлившимися реками Клязьмой, Москвой, Протвой и Угрой, отягощенные обозами с добычей и пленными монгольские отряды подойти не смогли бы.

Монгольские войска начали отход в степи примерно в середине марта, двинувшись от верховьев Волги на юг отдельными отрядами, что облегчало им обеспечение фуражом и повышало скорость движения. Рашид ад-Дин сообщает, что «при этом походе Батый пришел к городу Козельску». Об отходе Батыя от Торжка к Козельску говорят и летописцы. Один из монгольских отрядов

прошел еще западнее, по другую сторону брянских лесов, восточнее Смоленска, и далее по Десне, где им был захвачен город Вщиж. В районе Вщижа этот отряд повернул на восток, к Козельску, на соединение с главными силами.

Осада Козельска. Оборона Козельска началась в конце марта или в начале апреля 1238 г. Первоначально город осадил отряд самого Батыя, но полуторамесячная осада успеха не имела. Наступившее в апреле половодье, вероятно, отрезало Батыя от отрядов других ханов-чингисидов, а своих воинов у него явно не хватало для решительного штурма хорошо укрепленного города. Козельск был расположен на крупной горе в излучине реки Жиздры, и штурмовать его было удобно только с одной стороны. Количество защитников города можно предположительно оценить в 5 тысяч жителей и несколько сотен дружинников малолетнего князя Василия (т. е. до полутора тысяч боеспособного мужского населения). Только в середине мая, когда спала вода, на помощь Батыю смогли подтянуть свои отряды другие ханы. «Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его [Козельск] в три дня», – сообщает Рашид ад-Дин. Город был захвачен монгольскими воинами лишь тогда, когда осадные машины разрушили городские стены. Летописец говорит об ожесточенной резне в проломах («козляне же ножи резахуся с ними») и последней вылазке защитников города, в которой им удалось разрушить осадную технику монголов и убить 4000 вражеских воинов, в том числе трех сыновей темников. Разъяренные большими потерями монголы истребили все население города, «взя град Козельск и изби вся и до отрочате, соущих млеко» и назвали его «град злый».

От Козельска, осада которого длилась семь недель, монгольская армия двинулась на юг и к началу лета вышла в половецкие степи.

Итогом первого нашествия явилось то, что несмотря на героическое сопротивление русских воинов, наиболее сильные и развитые земли Северо-Восточной Руси – Владимиро-Суздальское и Рязанское княжества, часть новгородских земель, а также отдельные районы Смоленского и Черниговского княжеств – в течение нескольких месяцев 1237/38 гг. были разгромлены войсками Батыя и перестали представлять угрозу для дальнейших завоеваний монголов.

Г л а в а V

МОНГОЛЬСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНУЮ РУСЬ

Завоевание княжеств *Южной Руси*. Пребывание монгольской армии в половецких степях с лета 1238 г. до осени 1240 г. было заполнено непрерывными войнами с половцами, аланами и черкесами, а также многочисленными походами на приграничные города Руси.

Военные действия начались осенью 1238 г. Рашид ад-Дин сообщает, что «в год собаки, соответствующий 635 (1238 г.), осенью, Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара». Почти одновременно началась война с половцами, против которых был послан отряд во главе с ханом Берке, братом Батыея. Берке переправился на правобережье Дона, разгромил половецкие кочевья и «взял в плен Арджумака, Куранбаса и Капарана, военачальников Беркути». Война с половцами была затяжной и кровопролитной. Плано Карпини, проезжавший в 40-х гг. XIII в. по половецким степям, писал: «В Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу». Вероятно, к этому же времени относится и описанный Рашид ад-Дином поход Субедея на волжских булгар: монголы «вторично послали туда Субадай-бахадур для усмирения их».

В 1239 г. монгольские войска активизировали военные действия против русских княжеств. Зимой большое войско под командованием Шейбана, Бучека и Бури двинулось на север, в земли мордвы. Во время этого похода завоеватели окончательно покорили мордовские племена, взяли русские пограничные города Муром и Гороховец. По свидетельству тверского летописца, монгольские отряды вышли в 1239 г. к Волге и взяли «Городец Радилов на Волзе».

Весной 1239 г. один из отрядов завоевателей разгромил город Переяславль, сильную крепость на рубежах Южной Руси. Летописец сообщает, что 3 марта 1239 г. после недолгой осады был

«взят град Переяславль копьем, изби весь». Следующий поход имел целью разгром Чернигова и городов по рекам Десне и Сейму, так как Чернигово-Северская земля оставалась еще незавоенной и могла угрожать правому флангу готовящейся к походу на запад монгольской армии. Летописи сообщают точную дату падения Чернигова – 18 октября 1239 г. По сообщению Ипатьевской летописи, черниговский князь Мстислав Глебович мужественно вывел свои войска из города навстречу завоевателям, и под стенами города произошла ожесточенная битва. Русские войска потерпели поражение, а вслед за тем монголы, используя гигантские камнеметные машины, метавшие камни, которые с трудом поднимали четыре человека, взяли город и «запалиша огнем». При взятии Чернигова летописец впервые отмечает, что монголы пощадили, а затем и отпустили епископа Порфирия. В этом сообщении можно видеть первые признаки традиционной для монголов политики веротерпимости, с помощью которой они укрепляли свою власть над покоренными народами.

Вероятно, во главе вторгшихся в Черниговское княжество монгольских войск стоял Менгу-хан, так как военные действия велись на западной окраине половецких степей вплоть до 1240 г. силами отрядов Менгу-хана, Гуюк-хана, Кадана и Бури. От Чернигова монголы двинулись на восток по реке Десне, разрушая города, построенные для защиты от кочевников (Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск и др.). Затем один из монгольских отрядов под предводительством Менгу-хана подошел к Киеву: «Меньгуканови же, пришедшу сглядать града Кыева». По сообщению летописи, хан «удивися красоте его (города) и величеству». Этот поход Менгу-хана можно оценить как разведывательный, рекогносцировочный. Для осады хорошо укрепленного Киева требовались гораздо большие силы. Весной 1240 г. значительное войско из туменов Гуюк-хана и Менгу-хана двинулось на юг по каспийскому побережью к городу Дербенту для оказания содействия армии Чорман-нойона, наступавшей на Кавказ с юга.

Взятие монголами Киева. К осени 1240 г. подготовка большого похода на запад была завершена. Свой удар монголы нанесли через Поросье, через земли зависимых от Руси кочевников, которые традиционно прикрывали русские княжества от нападений со стороны степи. Победив «черных клобуков» (Рашид ад-Дин), монголы подступили к Киеву в «силе велице». Войска хана Батые окружили город, «и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его и ржания от гласа стад конь

его». Обороной города руководил тысяцкий Дмитрий Ейкович, воевода князя Даниила Романовича Галицкого. Киевлянам удалось взять в плен монгольского воина, который сообщил им, что у города находятся войска ханов Батыя, Гуюка, Менгу, Орды, Байдара, Бури, Бучека, а также Субедай-багатура и Бурундай-багатура. Таким образом, у Киева были сконцентрированы почти все монгольские войска, участвовавшие в западном походе.

Монголы установили у Лядских (Польских) ворот осадные орудия, которые били «день и ночь, выбиша стены». Потом начался штурм города. На руинах стен горожане отбивали атаки завоевателей до вечера, пока не был ранен воевода Дмитрий. По образному выражению летописца, «стрелы омрачиша свет побеженным». Монголам удалось овладеть стенами, но киевляне за ночь успели соорудить новую линию укреплений у Десятинной церкви, древнейшей церкви города, построенной князем Владимиром Святым. На следующий день бой возобновился и продолжался с неослабевающим ожесточением до гибели оборонявшихся. Последние защитники Киева погибли под руинами Десятинной церкви, рухнувшей под тяжестью пытавшихся найти в ней укрытие людей и под ударами осадных машин монголов. Раскопки археологов обнаружили, что люди в подвалах церкви были живы еще несколько дней и пытались рыть подземный ход к берегу Днепра. Население взятого города было беспощадно истреблено, Киев был разрушен почти полностью и надолго утратил значение крупного городского центра. Плано Карпини, который проезжал через Киев несколько лет спустя, подтвердил полное запустение города, в котором он насчитал едва ли 200 домов.

События осады и штурма Киева получили достаточно полное освещение в работах М. К. Каргера, который на основании письменных и археологических источников воссоздал картину героического сопротивления и гибели этого великого и богатого города, «матери городов русских». Однако единого мнения относительно даты падения Киева в исследованиях историков нет. Большинство исследователей, в том числе и В. В. Каргалов, относят взятие города монголами к 6 декабря 1240 г., некоторые полагают, что это произошло 19 ноября 1240 г. Для восстановления исторической истины необходим тщательный анализ летописных источников.

Летописная дата падения Киева. Русские летописи являются единственным источником, сообщающим дату падения Киева в 1240 г., но допускают при этом некоторые разночтения. Бо-

льшинство летописных сводов XIV–XVI вв. прямо или косвенно относят падение Киева к 6 декабря 1240 г. Однако допускаемые в них отклонения в формулировке позволяют предполагать некоторую ее эволюцию, происшедшую с течением времени под пером летописцев и редакторов. Так, Лаврентьевская летопись сообщает, что Киев был взят войсками Батые «до Рождества Господня на Николин день». Владимирский летописец XVI в., в части, восходящей к своду 1408 г., имевшему в основании общий с Лаврентьевской летописью протограф (свод 1305 г.), формулирует эту дату несколько иначе – «месяца декабря в 6 день». Суздальская летопись по Московско-Академическому списку, с 1240 г. передающая Ростовскую владычную летопись, в редакции первой четверти XV в. представляет дату следующим образом: «декабря 6, на память святого отца Николы». Эта же редакция Ростовской владычной летописи отразилась в общем протографе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей – своде 1448 г. Здесь в тексте, близком, но не тождественном Галицко-Волынской летописи, падение Киева представляется просто «на Николин день». В Галицко-Волынской летописи, которая лишена хронологической сетки, эта дата отсутствует.

Свод 1448 г. мог заимствовать эту дату либо из свода 1408 г., либо из Ростовской владычной летописи, либо из предполагаемого южнорусского источника, близкого к Галицко-Волынской летописи. Тверской сборник XVI в. имеет отличную от других летописей формулировку даты: «декабря 6, на память иже в святых отца нашего Николы».

Следовательно, можно сделать предположение, что ростовская летописная традиция, лежащая в основе свода 1305 г. и Ростовской владычной летописи, и восходящих к ним летописных памятников XIV–XVI вв., несла две формулировки даты падения Киева в 1240 г.: «на Николин день» или «6 декабря», и «на память иже в святых отца нашего Николы». Гранью общего ростовского источника летописей, восходящих к Ростовской владычной летописи и Лаврентьевской летописи и содержащего не только ростовские, но и общерусские известия, является 1276 год. Начиная с 1276 г. в летописях, восходящих к Ростовской владычной летописи, выделяется пласт ростовских известий, отсутствующих в Лаврентьевской летописи. Таким образом, можно думать, что свод 1276 г. вошел в Ростовскую владычную летопись, минуя редакцию 1305 г., которую отражают Лаврентьевская и Галицко-Волынская летописи. Значит, формулировку даты можно счи-

тать первичной и относить ее к своду, составленному в правление Бориса Васильковича Ростовского.

Иная версия даты падения Киева в 1240 г. содержится в летописях, восходящих к псковскому своду 50–60-х гг. XV в. – Авраамки, Супрасльской и Псковской первой летописях. Они сообщают время начала и продолжительности осады Киева и дату его падения: «приидоша Татарове к Киеву, сентября 5, и стояша 10 недель и 4 дни, и едва взята ею ноября 19, в понедельник». Факт осады подтверждается описанием событий у Киева в Галицко-Волынской летописи. О том, что в 1240 г. Киев пал «после продолжительной осады», сообщает побывавший в городе в 1245 г. легат римского папы Иннокентия IV Плато Карпини, а Рашид ад-Дин свидетельствует, что «в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкерман» (Киев). Наконец, предварительный анализ сообщаемой даты позволяет предположить, что она восходит к современной событиям записи. Об этом свидетельствует ее странность, которая не могла сохраниться без письменной фиксации, но главным образом – определение дня недели: «понедельник», на который в 1240 г. действительно приходилось 19 ноября. В псковский свод середины XV в. данная формулировка могла попасть из южнорусской летописи XIII в. Существование южнорусской летописи, завершавшейся известиями 1246 г. и не подвергавшейся галицкой обработке, было доказано Ю. А. Лимоновым. Южнорусский источник новгородского свода, впоследствии использованного псковским автором, обладал сведениями о датах падения городов Переяславля, Чернигова и Киева. Он был составлен примерно в 1250–1251 гг. по инициативе митрополита Кирилла – ставленника князя Даниила Романовича Галицкого. В 1251 г. митрополит Кирилл прибыл в Новгород и, вероятно, привез туда южнорусскую летопись, которая была включена в состав новгородского свода, минуя ростовскую редакцию, а впоследствии сведения этой летописи могли попасть в псковский свод середины XV в.

Откуда же появилась версия даты падения Киева по Ростовской владычной летописи и своду 1305 г.? Основным обстоятельством в решении этого вопроса является наличие сильного черниговского влияния на ростовское летописание 1247–1278 гг. Оно связано с деятельностью ростовской княгини Марьи (умерла в 1271 г.) – дочери Михаила Всеволодовича Черниговского и ее сыновей Глеба и Бориса Васильковичей. При этом необходимо подчеркнуть проводимый княгиней и переданный ею своим сыновьям

ям культ черниговских предков, который нашел отражение и в летописях.

Традиционно в русском летописании всякое событие кроме цифрового обозначения датировалось упоминанием праздника, выпадавшего на этот день. На 19 ноября приходилось празднование святого мученика Варлаама. Ростовский сводчик 1263 г. не был заинтересован в том, чтобы акцентировать внимание на нелепном для отца своей княгини эпизоде, а именно – на бегстве Михаила Всеволодовича Черниговского «пред татары в угры» и обороне Киева тысяцким Дмитрием, воеводой князя Даниила Романовича Галицкого, которого справедливо хвалит Ипатьевская летопись. Поэтому он, очевидно, постарался сократить его до минимума (примерно так: «и Киев взяша в понедельник на память святого мученика Варлаама»). Можно предположить, что в таком виде дата попадает к автору свода 1276 г., работавшему в правление Бориса Васильковича. Но, кроме 19 ноября, праздник Варлаама выпадает на 6 ноября и 28 сентября. Первая ассоциация всегда касается факта, наиболее часто вспоминаемого. Таковым, несомненно, было празднование памяти черниговского князя Николы Святоши под 28 сентября. Вероятность именно такого хода мысли ростовского летописца подтверждается тем, что, как сообщает ростовское житие Михаила Всеволодовича Черниговского, по инициативе княгини Марьи и ее сыновей был установлен праздник его памяти «месяца сентября в 20 день на память святого мученика Еустафия». Летописец, посчитав, что имеется в виду праздник Варлаама 28 сентября, мог заменить указание празднования далекого «святого мученика Варлаама» на близкое княжеской семье празднование памяти славного предка «Николы». Эта формулировка и перешла затем в Ростовскую владычную летопись – «на память иже в святых отца нашего Николы». Следующий этап трансформации даты предположительно связан с созданием свода 1305 г., опиравшегося на ростовско-vladимирский материал. Автор начала XIV в. имел перед собой как минимум две формулировки даты падения Киева, противоречившие друг другу. Не зная, какой из них отдать предпочтение, он мог пойти на компромисс, отразившийся в Лаврентьевской летописи: «до Рождества Господня, на Николин день». Отсюда до идентификации дня падения Киева с поминовением Николая Преосвященного 6 декабря остается один шаг, который, вероятно, и был сделан автором.

Таким образом, можно выдвинуть предположение, что известие о дате падения Киева (19 ноября 1240 г.) в Супрасльской и

Псковской первой летописях, восходящих к общему протографу – псковскому своду середины XV в., – может являться достоверным и наиболее древним. В этом случае все варианты даты падения Киева в остальных летописях могут быть рассмотрены как результат трансформации первоначальной даты южнорусской митрополичьей летописи 1250 г. под пером ростовских летописцев, с 60-х гг. XIII в. ведших митрополичье летописание, а различные этапы эволюции исследуемой даты представлены последовательно в этих летописях. Данный вопрос, как представляется, имеет чрезвычайно важное значение для изучения истории земель Южной Руси во время монгольского нашествия, и поиск ответа на вопрос, какая из двух дат падения Киева – 19 ноября или 6 декабря 1240 г. – является наиболее достоверной, должен быть продолжен.

Планы дальнейших завоеваний. Вероятно, после взятия Киева часть монгольских войск покинула армию хана Батыея и направилась в Монголию. Как сообщает Рашид ад-Дин, «Гуюк-хан и Менгу-хан осенью того же года мыши (1240 г.), по приказанию каана, вернулись и в год быка, соответствующий 638 году (1241 г.), расположились в своих ордах». Вместе с ханами в Монголию ушли и отряды, которыми они командовали, что значительно ослабило армию Батыея в дальнейшем походе. По мнению В. Л. Егорова, «такой приказ каана может свидетельствовать о том, что на курултае 1235 г. не планировался поход в Западную Европу и Бату предпринял его по собственной инициативе». Свою мысль исследователь подтверждает цитатой из сочинений Рашид ад-Дина, что армия была послана для завоевания «Сибири, Волжской Булгарии, Дешт-и-Кипчика, Башкирии, Руси и Черкесии до Дербента». Однако В. Л. Егоров допустил ошибку, которая позволяет поставить его гипотезу под сомнение. Дело в том, что он (как и некоторые другие ученые) неверно истолковал названия «Булар» и «Башчирд», часто упоминающиеся в сочинении Рашид ад-Дина. Переводить данные названия необходимо не как «Булгария» и «Башкирия», а как «Польша» и «Венгрия», что уже давно установлено специалистами-востоковедами. Кроме того, если поход в Западную Европу не планировался на курултае 1235 г., то почему основная масса монгольских войск во главе с чингисидами Байдаром, Каданом, Бучеком и полководцами Субедеем и Бурндаем не вернулась в Монголию, а приняла участие в походе Батыея на Польшу и Венгрию? Что же касается ханов Менгу и Гуюка, то причины их возвращения следует искать, вероятно, в ос-

ложнившейся внутривластической ситуации в Монголии. Великий хан Угедей к этому времени был уже серьезно болен, и кончина его была близка (Угедей умер 11 декабря 1241 г.), а претендентом на престол являлся не только его старший сын – Гуюк, но и сын Толуя – Менгу, которого поддерживала значительная часть монгольской знати.

Монгольское «Сокровенное сказание» сохранило и рассказ об остром конфликте между ханом Батыем, с одной стороны, и Гуюком и царевичем Бури, внуком Чагатая, – с другой. Последние отказались подчиняться Батыю и поставили под сомнение его авторитет и способности военачальника. Это был чрезвычайно серьезный проступок с точки зрения монгольской воинской дисциплины, и, по жалобе Батыя, великий хан Угедей отозвал своего сына и внучатого племянника из похода. Представляется, что данный эпизод следует рассматривать не как личный конфликт между монгольскими военачальниками, а как первые признаки борьбы за власть в Монгольской империи, которая должна была развернуться после смерти великого хана Угедея.

Нашествие на земли Галицко-Волынского княжества. Разгромив Киев и ряд других городов, монгольские войска двинулись дальше на запад, в общем направлении на Владимир-Волынский и Галич. Основные силы во главе с Батыем двигались на Владимир-Волынский через Колодыжину, в то время как другие отряды опустошали Южную Русь. Это было обычное для монгольской армии наступление широким фронтом, «облавой». Рашид ад-Дин сообщает, что после взятия Киева монголы «туменами обходили все города Владимирские и завоевали крепости и области, которые были на пути».

В декабре 1240 г. под натиском завоевателей многие города и села Киевской земли были покинуты населением и гарнизоном. Без боя сдались монголам и отдельные города болоховской земли, которые вступили с монголами в соглашение, обеспечив себе относительную безопасность в обмен на обязательство снабжать завоевателей хлебом: «Оставили бо их татарове, да им орут пшеницу и просо». Однако на укрепленных линиях галицкого княжества на реках Тетерев, Случь и Горынь, состоявших из городов-крепостей, отряды Батыя встретили ожесточенное сопротивление. Археологические раскопки обнаруживают в этом регионе следы мощных пожарищ и массовой гибели населения. Под натиском врага пали Колодыжина, Каменец, Изяславль, но города Данилов и Кременец устояли. Причиной того, что Батый не взял этих

сравнительно небольших городков, кроме храбрости защитников и сильных укреплений, явилось, видимо, то обстоятельство, что их осаждали отдельные отряды его армии, в то время как основные силы двигались на Владимир-Волынский.

Город Владимир-Волынский был захвачен монгольской армией после короткой осады. Летописец сообщает, что Батый «приде к Володимир и взя копьем и изби и не щадя». Летописные данные подтверждаются археологическими материалами. По мнению известного археолога А. И. Цинкаловского, битва за город была долгой и ожесточенной, и завоеватели с большим трудом сумели его взять, подвергнув за это жителей страшным казням. Этим и объясняются находки при раскопках Владимира-Волынского черепов с вбитыми в них железными гвоздями.

О завоевании северной части Волынской земли известно немного. Город Холм монгольским войскам не удалось захватить, так как этот сильно укрепленный город сумел отбить налет отряда завоевателей. Имеются также сведения о попытке завоевателей захватить Берестье (современный Брест). По сообщению летописца, после ухода монголо-татар «Данилови (Даниил Романович Галицкий) же со братом пришедшу ко Берестью и не возмогста итти в поле, смрада ради множества убиенных». Во время раскопок Берестья в слоях середины XIII в. археологами не было выявлено следов массового пожара и гибели города. Очевидно, наиболее вероятным является предположение о том, что город не был взят и разрушен, но в его окрестностях произошло кровопролитие.

После захвата и разрушения Владимира-Волынского основные силы монгольской армии двинулись к Галичу, куда должны были собраться все отряды, заканчивающие «облаву». По свидетельству Рашид ад-Дина, монголы подошли уже объединенными силами к Галичу и «в три дня взяли его». После разгрома Галич потерял свое бывшее значение, а княжеский двор и дружина переехали в Холм, который стал новым стольным городом Галицко-Волынского княжества.

Вторжение в Польшу и Венгрию. Разгромив галицкие и волыньские земли, Батый, по словам летописца, «иде Оугры». Поход в Польшу и Венгрию начался весной 1241 г. Отдельный монгольский корпус под командованием хана Байдара еще в феврале вторгся в Южную Польшу, разгромил отряды малопольских князей и разорил Сандомир, Краков и другие польские города. Путь монголам пытался преградить силезский герцог Генрих Благочестивый. Но его войско, состоявшее из польских и немецких рыца-

рей, а также местного ополчения, в состав которого входили силезские горняки из Злотой Горы, потерпело поражение в битве при Легнице возле Вроцлава 9 апреля 1241 г. Сам герцог пал в бою, его отрубленную голову монголы насадили на копьё и захватили с собой в качестве трофея. После этой битвы отряд Байдара резко повернул на юг и двинулся через Моравию на соединение с войском Батыя в Венгрии.

Основные силы монголов под руководством Батыя и Субедея перешли через Карпаты и вторглись в Венгрию в начале марта 1241 г. Вторжение осуществлялось по нескольким направлениям, венгерские заставы на перевалах не смогли сдержать врага. 10 марта венгерский король Бела IV получил известие, что Батый прошел через «Русские ворота» (Верецкий перевал), а уже через несколько дней передовые монгольские отряды появились под столицей Венгрии городом Пештом. Монголы, по плану Субедея, пытались выманить венгров из укрепленного города и спровоцировать Бела на наступление, и это им удалось. В последних числах марта многочисленное венгерское войско выступило из Пешта и преследовало отступающих монголов до реки Шайо. Здесь в начале апреля развернулись ожесточенные бои, которые нашли отражение не только в венгерских хрониках, но и в китайской «Юань ши».

Первое нападение монголов было отбито в немалой степени благодаря тому, что безвестный русский пленник, бежавший из лагеря Батыя, предупредил венгров о планах монголов. Брат короля хорватский герцог Коломан и колочский епископ Уголино предприняли успешную атаку и потеснили завоевателей. «Юань ши» свидетельствует, что монголы испытывали немалые затруднения в схватке за «мост на реке», а при неудачной переправе утонуло много тяжеловооруженных всадников и их командир Бахадур, племянник хана Батыя – по-видимому, второй чингисид, погибший во время «западного похода». Но в конце концов монголам удалось взять верх и загнать венгров в их лагерь, где те испытывали большие неудобства из-за скученности большого количества воинов на небольшом клочке земли. Когда же монголы открыли проход из лагеря в сторону Пешта, в венгерском войске началась паника и воины в беспорядке устремились по нему, надеясь спастись бегством. Это мало кому удалось, поскольку монголы немедленно начали преследование и беспощадно истребляли бегущих. Битва на Шайо закончилась 11 апреля 1241 г. – почти одновременно с битвой при Легнице.

После этой битвы организованное сопротивление венгров прекратилось. Монголы рассыпались по стране облавой, захватывая города и села и истребляя людей. Немалую помощь оказали монголам захваченные на Шайо королевские печати, благодаря которым Батю удалось обманом завоевать многие венгерские города. Были захвачены и сожжены Пешт, Варадин, Арад, Перет, Егрес, Темешвар и множество других. Весь год монголы систематически разоряли Венгрию, не переходя через Дунай. Страшные картины всеобщей паники и жестокости завоевателей сохранились в сочинении очевидца нашествия Рогериуса, которому удалось бежать из монгольского плена.

Зимой 1241/42 гг. монголы перешли через скованный льдом Дунай и обрушились на ту часть Венгрии, которую еще не затронуло нашествие. Упорное сопротивление оказал монголам хорошо укрепленный город Эстергом. Для разрушения его укрепленный монголы использовали более 30 осадных машин. Видя, что падение города неизбежно, защитники собрали все ценности и бросили их в гигантский костер. Это привело в ярость завоевателей, и они уничтожили все население Эстергома.

Захватив и опустошив Венгрию, монголы стали готовиться к продолжению похода. Отряд хана Кадана был направлен Батыем для преследования венгерского короля Бельи IV. Монголы гнались за Белой вплоть до побережья Адриатического моря, и лишь с большим трудом королю удалось оторваться от преследователей и укрыться на одном из далматинских островов. Другой крупный отряд завоевателей двинулся в сторону Вены. По всей Европе началась паника, в Германии была сложена специальная молитва: «Господи, избавь нас от ярости татар». По свидетельству Матфея Парижского, на некоторое время прервалась торговля Англии с континентом, так как английские купцы боялись покидать свою страну. Светские и духовные владетели призывали к походу против монголов, но все эти призывы не давали никакого эффекта. Наоборот, как это уже нередко случалось в других регионах, подвергшихся нашествию, кровавые междоусобицы не прекращались даже перед лицом монголов. В то время, когда хан Батый опустошал Венгрию, в Италии император Фридрих II начал очередной поход на римского папу Григория IX, а австрийский герцог Фридрих Бабенберг напал на пограничные с его владениями венгерские земли. Как и повсюду: в Китае, в Средней Азии, на Кавказе, на Руси – феодальная раздробленность не позволяла организовать действенный отпор завоевателям.

Смерть Угедея и отступление монголов. Но монгольскому походу в глубь Европы не суждено было состояться. 11 декабря 1241 г. умер великий хан Угедей, и когда весной 1242 г. эта весть дошла до Батыея, монгольские войска начали отступление в причерноморские степи. Несомненно, смерть Угедея явилась основной причиной прекращения дальнейших завоеваний в Центральной Европе: борьба за престол великого хана Монгольской империи была вопросом жизни и смерти для Батыея и других царевицей-чингисидов, разделенных на многочисленные кланы и группировки. Однако есть все основания полагать, что не последнюю роль при отступлении завоевателей сыграло и истощение монгольского войска после многолетних походов на страны и народы Восточной Европы, в том числе и на земли Руси.

Вернувшись из походов в Центральную Европу, хан Батый расположил свою ставку в дельте Волги, приблизительно в 100 км от Астрахани. Здесь его посетили и признали его власть русские князья во главе с великим князем владимирским Ярославом Всеволодовичем, что положило начало политической зависимости русских земель от Орды – так стало называться в летописях это государственное образование монголо-татар. Из Сарая, столицы Золотой Орды (или Улуса Джучи в восточных источниках), татарские ханы в течение 138 лет (до Куликовской битвы) осуществляли политический контроль над княжествами Руси, а еще в течение ста лет, с 1380 г. по 1480 г., продолжали требовать дань с Руси, однако далеко не всегда ее получали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монголам удалось разгромить Русь достаточно быстро, в нескольких сравнительно скоротечных кампаниях (так, например, поход на наиболее сильные княжества Северо-Восточной Руси занял всего четыре месяца – с декабря 1237 г. по март 1238 г.). Русские и восточные источники сообщают об упорной обороне русских городов – Рязани, Москвы, Суздаля, Владимира, Торжка, Козельска, Переяславля, Чернигова, Киева, Владимира-Волынского, Галича и множества других, в боях за которые монголы понесли значительные потери. Но героическое сопротивление населения русских городов и мужественные попытки отдельных князей противостоять врагам в открытом поле (под Коломной, на реке Сити, под Черниговом) не смогли принципиально изменить военную и политическую обстановку. Стратегическая инициатива и контроль над ситуацией на всех этапах нашествия безусловно находились в руках завоевателей. Монголы выбирали время и место нанесения ударов, не оставляя противникам ни возможности, ни надежды на победу. Причины поражения русских княжеств в борьбе с завоевателями неоднократно становились предметом анализа историков, и мы можем кратко сформулировать их основные выводы.

Прежде всего необходимо еще раз обратить внимание на военную организацию монголов. Практически все источники, имеющиеся в распоряжении исследователей, например, произведения Иоанна де Плано Карпини, Юлиана, Джувейни, Ибн ал-Асира, Рашид ад-Дина, автора китайской династической хроники «Юань ши» и других, высоко оценивают монгольскую армию и ее полководцев, а также военную организацию и монгольскую государственность XIII в. в целом. Они свидетельствуют о выдающейся стратегии монголов и развитой тактике ведения боя, хорошей боевой подготовке монгольских воинов, скорости и выносливости конницы, передовых для того времени способах ведения осады и осадных устройствах (таранах, катапультах, «греческом огне»), о тщательно планируемых нападениях, организованной и эффективной разведке, быстроте и внезапности атак, строгой дисципли-

не, способности монгольского войска обходиться без громоздкой системы продовольственного и фуражного обеспечения, высоком военном искусстве командиров и о многом другом. Эти сведения подтвердились в ходе монгольского нашествия и показали невозможность состязаться с этой армией феодальным ополчением Восточной Европы. Не стоит недооценивать и такой субъективный фактор, как коллективную волю к победе монгольских воинов, закаленных во многих походах на Дальнем Востоке и в Средней Азии, непоколебимо уверенных в превосходстве своей военной организации над противником на всех уровнях и воспитанных Чингис-ханом и его наследниками в представлении, что весь мир лежит перед копытами их коней.

Обращаясь к внутренним причинам поражения русских княжеств в схватке с монголами, необходимо сказать, что уровень военной и политической организации русских земель и других стран Восточной Европы значительно уступал уровню, достигнутому монголами. Слабым местом являлась военная неподготовленность княжеств к отпору, более того, полное отсутствие понимания правителями Руси величины угрозы от нового неведомого врага. Князья не проявляли инициативы в новой политической ситуации и черпали сведения о противнике от беженцев или пленных, свидетельства которых были случайными, противоречивыми и поверхностными. Русские князья ничего не знали о целях, военной силе и тактике монголов, их конкретных методах осадной войны и штурма городов. Например, князь Юрий Владимирский хотя и располагал определенными сведениями о противнике, но ничего не предпринял для организации обороны даже своего княжества от неизбежного, как он должен был понимать, вторжения.

Несомненно, что самой серьезной причиной поражения явилась феодальная раздробленность Руси, глубокая разобщенность отдельных земель и их населения, отсутствие единого центра обороны и князя, который имел бы влияние на все земли и сумел организовать военный отпор нашествию. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович был самым могущественным из князей, однако его влияние распространялось только на Северо-Восточную Русь. Отдельные русские земли и княжества не пришли на помощь друг другу и были разбиты поодиночке. Например, Новгород не оказал поддержки даже своему «пригороду» Торжку. Не получили никакой помощи из Чернигова мужественные защитники Козельска, семь недель сдерживавшие врага. Если даже в пределах одного княжества не было

единения, то тем менее можно было ожидать координации действий между князьями разных земель, по сути – самостоятельными правителями, жившими только интересами своей земли, в узком мире своей «отчины». Уже первое столкновение с монголами на Калке показало, что «неодиначество» князей парализует силы русских воинов и способно привести к катастрофе. Более того, даже в условиях нашествия ни на минуту не прекращались междоусобные войны, истощавшие силы князей. Так, например, в 1235–1240 гг., когда монголы уже громили народы Восточной Европы, в том числе и русские княжества на северо-востоке, Киев семь (!) раз переходил из рук в руки враждующих южнорусских князей. В этой борьбе растратили свои силы киевские, черниговские, волынские и галицкие князья, среди них и Даниил Романович Галицкий – крупный политик и талантливый военачальник, князь, который принимал личное участие в битве на Калке и, казалось бы, должен был иметь ясное представление о монголах и исходящей от них опасности.

Исходя из вышеизложенного, можно назвать две основные причины поражения Руси: общее превосходство военной организации монголов и отсутствие единого центра обороны русских земель. В условиях феодальной раздробленности и княжеских междоусобиц сопротивление монголам не могло быть эффективным.

Последствия монгольского нашествия для русских княжеств были исключительно тяжелыми. Прежде всего резко сократилось население, так как множество людей было убито и, вероятно, не меньше уведено в плен. Ряд городов был уничтожен, а другие после разгрома запустили и надолго утратили свое былое значение. По подсчетам археологов, только из известных по раскопкам 74 городов Руси XII–XIII вв. 49 были разорены войсками Батыя, причем в 14 из них жизнь так и не возобновилась, а 15 превратились в села. После нашествия Батыя перестало даже номинально существовать Переяславское княжество, а фактически – и Киевское, и Черниговское. Именно эти княжества на протяжении столетий защищали Русь от кочевников, и потому, вероятно, именно они подверглись наиболее жестокому удару. Почти во всех русских княжествах пришло в упадок ремесло, надолго прекратилось каменное строительство, запустили старые культурные центры, сократилась внутренняя и внешняя торговля, нарушились связи Руси с другими странами.

Катастрофические последствия нашествия были в полной мере понятны уже современникам. Иоанн де Плано Карпини писал,

что монголы «произвели великое избиение в стране Руссии ... когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле ... а людей там (в Киеве) держат они в самом тяжелом рабстве». Еще более эмоционально говорил о трагическом положении Руси после монгольского нашествия блестящий русский проповедник епископ Владимирский Серапион, современник и очевидец «Батыева погрома»: «Какие казни от Бога не восприяхом? Не пленена ли бысть земля наша? Не взяты ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупием на землю? Не ведены ли быша жены и чада наши в плен? Не порабощены ли быхом оставшем горкою работою от иноплемених?» Нашествие Батыя наложило огромный отпечаток на общественно-политическую мысль средневековой Руси, на века предопределило направление идейного развития, заложило основы стремления к единству русских земель и освобождению от ордынского ига.

История монгольского нашествия на Русь в XIII в. является одной из самых важных и интересных среди многих проблем средневековой истории восточных славян. Ее изучение, начатое более двух столетий назад, никогда не теряло своей актуальности. В последние годы вышел в свет ряд интересных исследований, в которых были выдвинуты новые оригинальные концепции, высказаны всевозможные мнения и идеи как по общим, так и по частным вопросам данной темы. Однако до настоящего времени историография не выработала достаточно полного научно обоснованного взгляда на историю монгольских завоеваний. Среди современных историков нет единого мнения по ряду важнейших вопросов монгольского нашествия, в том числе и по вопросу о сущности монгольского влияния на Русь, и по другим не менее важным проблемам. Существует большое количество спорных и нерешенных вопросов, касающихся конкретных обстоятельств похода Батыя на русские княжества и другие земли Восточной и Центральной Европы, понимания феномена монгольских завоеваний XIII в. в целом. Многие исследования остаются малоизвестными широкому кругу читателей, а порой проходят незамеченными и в научном мире.

Представляется, что изучение монгольских походов на Русь и страны Восточной Европы невозможно без обращения к истории монгольских завоеваний XIII в. в Центральной Монголии и Средней Азии, на Дальнем и Ближнем Востоке. Обращение к этим темам придает исследованию необходимую глубину, позволяет по-

нять исторические масштабы изучаемого явления. Точно так же невозможно ответить на вопрос о сущности монгольского влияния на Русь при изолированном рассмотрении истории Золотой Орды. Монгольская империя была одним из самых крупных государственных образований в мировой истории. Возникшие после ее распада в середине XIII в. монгольские улусы: империя Юань (Монголия и Китай), Чагатайский улус (Средняя Азия), Ильханат (Иран) и Золотая Орда (Восточная Европа) – прошли во многом сходный путь развития и наложили отпечаток на исторические судьбы многих народов Европы и Азии. Поэтому перед современными историками стоит задача на новом уровне подойти к изучению русско-монгольских отношений, ввести в научный оборот малоизвестные первоисточники, в большей степени учитывать исследования по вопросам, касающимся монгольской проблематики в целом. Лишь на основе такого комплексного подхода становятся возможными расширение и углубление наших представлений о событиях монгольского нашествия на Русь и последующих взаимоотношениях русских земель с Золотой Ордой.

Авторы выражают надежду, что данное учебное пособие, в котором сделан акцент на некоторых спорных и малоизученных вопросах, в частности вопросах источниковедения и хронологии, будет способствовать решению этой задачи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе // Исторический архив: В 3 т. Т. 3. М.; Л., 1940.
2. Армянские источники о монголах. М., 1962.
3. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях X–XIII вв. М., 1987.
4. История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
5. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
6. *Малик-ал-Джувейни.* История миропокорителя. Ташкент, 1952.
7. *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
8. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
10. *Палладий.* Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866.
11. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
12. Письмо брата Юлиана о монгольской войне // Сб. докум. по истории СССР. Ч. 1. М., 1970.
13. Повесть о разорении Рязани Батыем // Древняя русская литература. М., 1988.
14. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Суздальская летопись. М., 1997.
15. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
16. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись. СПб., 1848.
17. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская первая летопись. СПб., 1853.
18. Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб., 1856.
19. Полное собрание русских летописей Т. IX–X. Никоновская летопись. М., 1965.
20. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. М., 1965.

21. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
22. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая летопись. М., 1965.
23. Полное собрание русских летописей. Т. XXXV. Супрасльская летопись. М., 1975.
24. Православный церковный календарь. М., 1986.
25. Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.
26. *Пэн Да-я, Сюй Тин.* Краткие сведения о черных татарах // Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
27. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. М.; Л., 1952. Т. II. М.; Л., 1966. Т. III. М.; Л., 1946.
28. Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990.
29. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884; Т. II. М.; Л., 1941.

Литература

1. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. I–V. М., 1963–1968.
2. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.
3. *Бержков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
4. *Брезин И. Н.* Нашествие Батые на Россию. СПб., 1855.
5. *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М., 1988.
6. *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леккерка. Т. I–II. СПб., 1788.
7. *Бунятов З. М.* Государство хорезмшахов Ануштегинидов (1097–1231). М., 1986.
8. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М., 1997.
9. *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
10. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
11. Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
12. *Гольман М. И.* Изучение истории Монголии на Западе. М., 1988.
13. *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XV веках. Пути политического развития. М., 1996.
14. *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2001.
15. *Горский А. Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
16. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

17. Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории. М., 1986.
18. Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991.
19. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
20. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.
21. Д'Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Иркутск, 1937.
22. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
23. Егоров В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.
24. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества в X–XIII вв. М., 1975.
25. Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб., 1846.
26. Ивакин Г. Ю. Киев в XIII–XIV вв. Киев, 1982.
27. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1983.
28. История СССР с древнейших времен до 1861 года / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1989.
29. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1958.
30. Капица М. С. Еще раз о роли Чингис-хана в истории // Вопросы истории. 1988. № 7.
31. Карамзин Н. М. Сочинения: В 5 т. Т. 3. История государства Российского. М., 1989.
32. Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII в. М., 1966.
33. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
34. Каргер М. К. Киев и монгольское завоевание // Советские архивы. Т. II. 1949.
35. Каргер М. К. Древний Киев. Т. I–II. М.; Л., 1961.
36. Кирпичников А. И. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
37. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. М., 1988.
38. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М., 1954.
39. Костомаров Н. И. Исторические произведения. Киев, 1990.
40. Коринный Н. Н. Переяславская земля (X – первая половина XIII века). Киев, 1992.
41. Котляр М. Ф. Галицкая Русь XIII–XV вв. Киев, 1971.
42. Котляр М. Ф. Данило Галицкий. Киев, 1984.
43. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. СПб., 2000.
44. Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.
45. Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
46. Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.

47. *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1995.
48. *Лимонов Ю. А.* О южнорусском источнике Московского свода 1480 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
49. *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
50. *Лысенко П. Ф.* Открытие Берестья. Мн., 1989.
51. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. № 49.
52. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.
53. *Монгайт А. Л.* Археология Рязанской земли. М., 1974.
54. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
55. *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
56. *Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость. XIII в. М., 1956.
57. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
58. *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990.
59. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
60. *Разин Е. А.* История военного искусства. В 5 т. Т. 2. М., 1957.
61. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
62. *Рыбаков Б. А.* Удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.
63. *Сафаралиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
64. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
65. *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
66. *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.
67. *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. История России. М., 1988.
68. *Строков А. А.* Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М., 1949.
69. *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. Т. 3. М.; Л., 1964.
70. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
71. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1946.
72. *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980.
73. *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993.
74. *Троицкий Д. И.* Русь в монгольский период. СПб., 1909.
75. *Уолкер С. С.* Чингис-хан. Ростов н/Д., 1998.
76. *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
77. *Устрялов Н. Г.* Русская история. Т. I–II. СПб., 1837.

78. *Фахретдин Р.* Ханы Золотой Орды. Казань, 1996.
79. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
80. *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
81. *Халиков А. Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.
82. *Худяков Ю. С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
83. *Цинкаловский А. И.* Княжий город Владимир. Львов, 1936.
84. *Чукаева В. А.* Русские княжества и Золотая Орда. 1243–1350 гг. Днепропетровск, 1998.
85. *Щербатов М. М.* История Российская с древнейших времен: В 7 т. Т. 3. СПб., 1902.
86. *Янин В. Л.* XIII таинственный век // Знание – сила. 1969. № 5.
87. *Янин В. Л.* Мартовский день 1238 года // Знание – сила. 1983. № 3.
88. *Bezzola G.* Die Mongolen in abendlandischer Sicht (1220–1270). Bern, 1974.
89. *Chronicon pictum. Chronica de Gestis Hungarorum.* Bd. 1–2. Weimar, 1968.
90. *Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen. 1235–1250.* Hrsg. von H. Gockenjan. Ungarische Geschichtsschreiber, Bd. 3. Graz, 1985.
91. *Grousset R.* Die Steppenvölker. München, 1970.
92. *Halperin C.* Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985.
93. *Heissig W.* Ein Volk sucht seine Geschichte. Wien; Dusseldorf, 1964.
94. *Martynioux A.* Die Mongolen im Bild. Hamburg, 2002.
95. *Olbricht P., Pinks E.* Meng-Ta pei-lu und Hei-Ta shih-lueh. Chinesische Gesandtschaften über die frühen Mongolen 1221 und 1237. Asiatische Forschungen, Bd. 56. Wiesbaden, 1980.
96. *Ratschnevsky P.* Cinggis-Khan. Sein Leben und Wirken. Wiesbaden, 1983.
97. *Schmilewski U.* Wahlstatt 1241: Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen. Lorch, 1991.
98. *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Ru land 1223–1502. Wiesbaden, 1965.
99. *Taube M.* Geheime Geschichte der Mongolen. München, 1989.
100. *Weiers M.* Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1986.

Приложение I

ПОХОДЫ МОНГОЛОВ В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ ПО ДАННЫМ «ЮАНЬ ШИ»

*Подготовка материалов, перевод
и комментарии Р. П. Храпачевского*

«Юань ши» (далее ЮШ) – официальная хроника правившей в Китае монгольской династии Юань, составленная в 1368–1369 гг., сразу же после изгнания монголов. Она была создана коллективом авторов по канонам, утвержденным классиком китайской историографии Сыма Цянем в его «Ши цзи» (I в. н. э.) и повторяемым в последующих династических историях. В такой хронике описывается весь период царствования династии на основании материалов, собранных во время ее правления особыми чиновниками-историографами (так называемые «Шилу» – «Правдивые записи»). Китайская династическая хроника обычно состоит из следующих разделов: изложение событий в хронологическом порядке (раздел «Бэньцзи» – «Основные записи»), хронологические таблицы (раздел «Бяо» – «Таблицы»), описания обрядов и обычаев, состояния администрации, торговли, наук и искусств в описываемую эпоху, сведения о народах, с которыми имела контакты династия и т. п. (раздел «Чжи», т. е. «Трактаты»), биографии всех выдающихся деятелей того времени («Лечжуань», или «Жизнеописания знаменитостей»). В соответствии с этими канонами строится и структура ЮШ: 1) «Основные записи» (цзюани 1–47); 2) «Трактаты» («Трактат о законах», «Трактат об экзаменах», «Трактат о товарах и деньгах» и т. д., цзюани 48–105); 3) «Таблицы», генеалогические и хронологические (цзюани 106–113); 4) «Жизнеописания знаменитостей» (т. е. биографии, как индивидуальные, так и подобранные по типам героев – «злодеи», «добродетельные чиновники», «верные жены» и т. д., цзюани 114–210). Всего в ЮШ 210 цзюаней.

Сведения «Юань ши» носят несколько отрывочный и несистематизированный характер по сравнению с другими китайскими династическими сводами-хрониками, что, вероятно, объясняется

спешкой при ее составлении (по преданию, работа была выполнена очень быстро, за 331 день). Так, например, хроника содержит два жизнеописания Субэтая, зато отсутствует биография другого видного монгольского военачальника – Чжэбэ. Часто встречаются неточности в датировке событий, особенно тех, которые происходили далеко от Китая. Важной особенностью ЮШ является стремление ее составителей опираться на доступные им документы, современные событиям, затрагиваемым в соответствующем разделе. Это обусловило некоторую узость базы источников, используемых авторами ЮШ. Данное обстоятельство нельзя поставить в вину составителям хроники, скорее можно говорить о том, что так сложились объективные условия сохранности документов – часть из них была изначально скрыта от китайцев как от покоренного монголами и ограниченного в своих правах большинства населения юаньского Китая, часть оказалась недоступной из-за языковых барьеров, а еще большая часть была просто уничтожена в ходе многолетней войны за независимость от монголов. Разная сохранность документов привела к еще одной характерной особенности ЮШ – информация в разделе жизнеописаний знаменитых личностей часто более подробна и достоверна, чем в «Основных записях».

На значение ЮШ для истории монголов рано обратили внимание отечественные исследователи. Еще в 1829 г. перевод на русский язык фрагментов первых четырех цзюаней сделал и издал под названием «История первых четырех ханов из Дома Чингисова» выдающийся русский синолог Н. Я. Бичурин (отец Иакинф). Для того времени это было большое достижение, намного опередившее европейскую синологию. Однако в настоящее время это издание является библиографической редкостью и, кроме того, оно в значительной степени устарело. Дело в том, что бичуринский перевод ЮШ был не самостоятельным переводом, а совмещением переводов отрывков ЮШ с переводами позднейшей хроники «Тунцзянь ганму», которые вместе составили «Историю первых четырех ханов из Дома Чингисова». Кроме того, в переводе отца Иакинфа использовались собственные названия, сильно искаженные цинской комиссией для «высочайшего утверждения слов в Юаньши» при императоре Цяньлуэне в XVIII в. По этой причине вся номенклатура собственных имен в переводе Бичурина должна быть подвергнута сплошному пересмотру и исправлению. Позднее, в начале XX в., А. И. Иванов сделал переводы части фрагментов ЮШ (изданы в «Записках разряда военной архео-

логии и археографии Русского военно-исторического общества», т. III, Пг., 1914), в которых были упоминания о походах монголов на Русь. Данные переводы в определенной мере дополнили работы отца Иакинфа, но только по данной теме. На тот момент в отечественной и зарубежной историографии еще не существовало ни критических работ по Рашид ад-Дину, ни исследований по языку монгольско-китайской канцелярии при династии Юань, что не могло не сказаться на восприятии специфического текста ЮШ, широко использовавшего не китайские имена, названия местностей, должностей и бытовых реалий многих народов Центральной Азии и Дальнего Востока.

Ниже предлагается новый перевод фрагментов из «Юань ши», относящихся к истории походов монголов в Восточную Европу в первой половине XIII в. Целиком переведены три биографии монгольских военачальников: Субэтая (цзюань 121, с дополнениями из второй биографии, цзюань 122), Исмаила, участника похода в составе тумена Чжэбэ (цзюань 120; как было сказано выше, жизнеописание самого Чжэбэ в ЮШ отсутствует), и Аньмухая, одного из организаторов монгольской камнеметной артиллерии (цзюань 122). Кроме того, дан перевод некоторых фрагментов из «Основных записей» и биографий других военачальников, в которых говорится о походе в Восточную Европу. Перевод выполнен по критическому изданию: «Юань ши» (История Юань), «Чжунхуа шуцзюй чубань», Пекин, 1976. Написание монгольских имен дано в соответствии с особенностями переводимого источника. Комментарии переводчика напечатаны курсивом в круглых скобках. Цитируемую литературу смотрите в библиографии.

Жизнеописание Субэтая

Ц з ю а н ь 121

Субэтай (в тексте *Су-бу-тай*, ср. *Субээтай-Баатур* – «Сокровенное сказание», далее – СС; *Субудай* – хроника Рашид ад-Дина, далее – РД), человек из монгольских *у-лян-хэ* (*урианхаев*). Поколения его предков охотились в верховьях реки **Онон**, с **Тумбинэ-хаганом** они ладили и потому завязали взаимную дружбу. Ко временам **Тайцзу** (*императорское имя Чингис-хана при династии Юань*) [было их] уже пять поколений. Что касается **Не-ли-би**, [то он] родил **Бо-ху-ду**, который всем был известен как «*чжэлима*». Что ка-

сается «**чжэлима**», то по-китайски это слово означает «стратег» (букв. «человек, составляющий планы и стратегии»). Внук [**Не-ли-би**] в третьем поколении **Хэ-чи-вэнь** (восстанавливается как **Хачиун** – ср. с **Чи-лао-вэнь**, т. е. **Чилаун** в цз. 1) родил **Ха-бань** (**Хабаня**). **Хабань** [имел] двух сыновей, старший – **Ху-лу-хунь**, другой – **Субэтай**, оба отменные молодцы, отличные наездники и стрелки. Когда **Тайцзу** был на реке **Балджуна** (см. **ЮШ**, цзюань 1), **Хабань** как раз гнал табун овец, чтобы преподнести [**Чингис-хану**], но встретился с разбойниками и был схвачен. **Ху-лу-хунь** с **Субэтаем** пришли к [нему] на подмогу, пиками перекололи этих [разбойников], все [они] повалились – кони, люди, [только] жалкие остатки банды убежали. Вследствие чего они спасли из беды отца, а овец доставили в назначенное место. **Ху-лу-хунь** в качестве сотника следовал за императором в сражениях с главарем **обока найманов** к югу от **Великой стены**. **Ху-лу-хунь** застрелил его, а народ его бежал в горы **Ко-чи-тань** и рассеялся.

Субэтай в качестве сына-заложника служил императору, [потом] стал сотником. В год **жэнь-шэнь** (с 5.02.1212 г. по 4.03.1213 г.) [он] напал на **цзиньский Хуаньчжоу** (в бывшей провинции **Чахар**, теперь северо-западная часть **Внутренней Монголии**), раньше всех взойшел [на стены] и занял этот город. Император приказал наградить [его] повозкой золота и шелка. Сильный и процветающий **обок меркитов** (в тексте «**ме-ли-ци**», что отличается от цзюани 1, где «**ме-ли-чи**») не служил [**Чингис-хану**].

[В год] **бин-цзы** (с 21.01.1216 г. по 7.02.1217 г.) император собрал всех полководцев в **Черном лесу** на реке **Туула** и спросил: «Кто сможет пойти для меня карательным походом на **меркитов**?» **Субэтай** попросил поручение себе, император одобрил и разрешил это. Тогда [**Субэтай**] выбрал помощником полководца **А-ли-чу** (**Аличу**) и назначил [его] в авангард с сотней людей, чтобы рассмотреть его достоинства и недостатки. **Субэтай** двинулся вослед. **Субэтай** дал наставление («**цзе**», значит также и «**предостерегать**» и «**быть настороже**») **Аличу**, сказав так: «Ты когда будешь останавливаться на ночлег, обязательно держи детскую утварь наготове, чтобы уходя, оставить ее – пусть будет похоже на то, как будто [вы] убегаете, захватив с собой семью». **Меркиты** увидели это дело и в самом деле решили, что тот убегает, поэтому оказались не готовыми [к нападению].

[В год] **цзи-мао** (с 18.01.1219 г. по 5.02.1220 г.) [**Субэтай**] большим войском пошел к реке **Чань** (**Чан-мурэн** – РД, **Чань** или **Чам**, но иной знак в «**Шэн-у цинь-чжэн лу**», далее – **ШУЦЧЛ**, см. **Пал-**

ладий, «Старинное китайское сказание»), встретился с **меркитами**, в одном сражении взял в плен двух их полководцев и полностью покорил их народ. Глава их **обока Хо-ду** (*Хуту – СС, Куду – РД, сын Тохтоа, совпадает с ШУЦЧЛ*) бежал к **цинь-ча** (**кипчаки**), **Субэтай** преследовал его, у **кипчаков** при горной долине **Юй-юй** (*Югур, местность в Дешт-и-Кыпчак, возможно Иргыз – см. Бартольд, т. I, с. 434*) сразился и разбил его.

[В год] **жэнь-у** (с 13.02.1222 г. по 2.02.1223 г.) император пошел карательным походом на **Хойхой-го** (*мусульманские страны*), их владетель **Ме-ли** (*искаженное араб. «мелик», т. е. «царь», видимо, имеется в виду хорезмшах Мухаммед, возможно, и смешение с Тимур-Меликом*) вручил государство [наместнику] и ушел. [Чингис-хан] приказал **Субэтаю** и **Чжэбэ** (*в тексте Чжи-бе, отличается от Чжэ-бе в 1-й цзюани*) преследовать его. Те достигли реки **Хойли** (*р. Кайлы по Джувейни, см. Бартольд, т. I, с. 436*), **Чжэбэ** сразился, но безрезультатно (*по РД они шли раздельно – первым в авангарде с одним туменом Чжэбэ, за ним, со вторым туменом – Субэтай*). **Субэтай** поставил войско к востоку от реки, предписал всем своим людям зажечь по три факела, чтобы увеличить видимость численности войска. Пресловутый **ван** (*т. е. хорезмшах Мухаммед*) ночью сбежал. Опять был издан приказ командовать войсками тумена (*букв. «десять тысяч»*) [**Субэтаю**], [который] из города **Би-ли-хань** (*вероятно, Биркан или Бухара*) на реке **Бу-хань** (*Бу-хань-чуань, букв. «Бухань-река», по-видимому, Аму-Дарья, «Бухарская река» – на ней стоят и Биркан, и Бухара*) отправился преследовать его, [**вана**], и прошел те места, в которых были сплошь безводные земли. Когда же переправлялись через реки, то вперед посылалась тысяча быстрой конницы для осмотра, чем поддерживался форсированный марш днем и ночью главного войска. К моменту его прибытия **Мухаммед** убежал в море (*Каспийское*), и не прошло месяца, как он заболел и умер. Были захвачены все брошенные им драгоценности и сокровища, чтобы преподнести [**Чингис-хану**]. Император сказал так: «**Субэтай** – опора и поддержка в кровавых битвах, [он] отдает все силы служению нашей фамилии, мы весьма одобряем его!» и одарил большой жемчужиной и серебряным кувшином.

[В год] **гуй-вэй** (с 2.02.1223 г. по 21.01.1224 г.) **Субэтай** представил доклад трону и просил [разрешения] покарать **кипчаков** (*отсутствует упоминание Чжэбэ, который вел второй тумен*). Согласие на это [было дано]. Поэтому [**Субэтай**] повел войска кругом моря **Куань-дин-цзи-сы** (*т. е. «Хвалисы», Каспийское море, еще его*

называли по-арабски «Кулзум»), окольными путями дошел до перевала **Тай-хэ** (Тимур-Калу – см. Тизенгаузен, т. I, с. 74; Тэмур-калгэ – т. е. «Железные ворота», Дербентский проход, РД, т. II, с. 109; русское летописное «Обезы и Железные ворота»), пробивал камень, открывая дорогу, и вышел там, где его не ожидали (монголам не дали пройти через Дербент, они были вынуждены пройти через Ширванское ущелье на Северный Кавказ – «Армянские источники», с. 23). Дошли и встретились с их **[кипчаков]** главарями **Юй-ли-цзи** (половецкий хан Юрий Кончакович) и **Та-та-ха-эр** (по НПЛ это Данила Кобякович, однако есть в Ипатьевской летописи половецкое имя Тотюур, которое передает кыпчакское Татаур), которые как раз собрались вместе у реки **Бу-цзу** (передает «Бу-ку», возможно, инверсия «Кубу», так по-печенежски называлась р. Кубань, от тюркского «qıba» – «светло-бурая»). **[Субэтай]** пустил воинов в решительную атаку, рассеял и разогнал их людей. Их ошметки вместе с сыном **Юрия** сбежали в леса, а их рабы явились **[к ним]** с донесением и схватили их (не исключено, что под этими «рабами» скрываются и бродники, которые в битве на Калке выступили на стороне монголов), остальные целиком покорились **[монголам]**, почему и удержали свои пределы. Также дошли до реки **А-ли-цзи** (китайская транскрипция для «Алки», т. е. «Калки»), встретились и имели одно сражение со старшим и младшим **Ми-чи-сы-лао** (т. е. Мстиславы – киевский Мстислав Романович и черниговский Мстислав Святославич) племени **во-ло-сы** (русские), которые сдались. Прошли через земли племени **а-су** (ясы-аланы) и вернулись. Рабы **кипчаков** ходатайствовали о начальнике над ними, а **Субэтай** отпустил их в качестве вольного народа. Когда **[он]** вернулся, об этом стало известно и император сказал так: «Рабы, которые не соблюдают верности господину, разве будут готовы быть верными другим?» и потому казнил их. Добавим к тому же, что **[Субэтай]** подал доклад трону, чтобы «тысячи» (военно-административная единица племен) из **меркитов, найманов, це-ле** (возможно, что это вариант китайской транскрипции **кэ-ле**, т. е. **кэрэит**, так как через «це» иногда транскрибировалось «кэ»; но скорее всего это племена **кэрэдай** или **кирей**), **хан-гэнь** (весьма вероятно, что это **кангар** – название части родов **канглы**, если для второго знака взять чтение «гэнь», а не привычное «цзинь»); **канглы** – это тюркские племена, кочевавшие от Приаралья до Восточного Туркестана в составе каганата **кимаков**, после распада которого часть **канглов/кангар** откочевала на запад и

составила **печенежское племенное объединение**) и **кипчаков** – всех этих **обоков**, вместе составили одну армию. [**Чингис-хан**] последовал ему. [Когда] наводили порядок в племенах **е-ми-ли-хо-чжи** (возможно, здесь переставлены местами знаки «ми» и «ли»), так как по РД и Лаврентьевской летописи Субэтай был в рейдах в 1229, 1232 и 1236 гг. в болгарско-мордовских землях – «занялись войной с мокшей, буртасами и арджанами», где арджаны – это эрзя; т. е. монголы были знакомы с их названиями, тогда возможна реконструкция китайской транскрипции: **е-ли, ми-хо-чжи, т. е. «эрьзя»** и «**мокша**»; однако возможны и иные толкования), отловили 10 000 голов лошадей для преподношения [**Чингис-хану**].

Император пожелал пойти походом на **Хэ-си (Тангут)**, и ради того, что последние годы **Субэтай** находился вовне (т. е. за пределами родных мест), и [**Чингис-хан**] боялся, что отец и мать беспокоятся о нем [**Субэтае**], то послал [ему] приказ вернуться на родину. **Субэтай** подал доклад, желая последовать [за **Чингис-ханом**] в западный поход. Император приказал пройти походом большую каменистую пустыню.

[В год] **бин-суй** (с 30.01.1226 г. по 18.01.1227 г.) [**Субэтай**] напал и подчинил племена **са-ли-вэй-у, тэ-цинъ, чи-минь** вместе с округами **Дэшунь, Чжэньжун, Лянь[чжоу], Хуй[чжоу], Тао(яо)[чжоу]** и **Хэ[чжоу]** (в *Тангуте*). Были взяты 5000 кобылиц и все преподнесены трону.

[В год] **дин-кэ** (с 19.01.1227 г. по 7.02.1228 г.) [**Субэтай**] узнал о кончине **Тайцзу** и тогда вернулся.

[В год] **цзи-чоу** (с 27.01.1229 г. по 16.01.1230 г.), сразу после вступления на трон, **Тайцзун** (храмовое имя *Угэдэя*) выдал за него принцессу **Ту-ме-гань**. В последовавшем нападении на **Тунгуань** (важная горная застава на стыке границ трех провинций Северного Китая – *Шэньси, Шаньси и Хэнань*) войска [**Субэтая**] не добились успехов и император наложил взыскание на него. Во время **Жуйцзуна** (храмовое имя *Толюя, имеется в виду его регентство – с момента смерти Чингис-хана до 1229 г.*) [**Субэтай**] находился в отдаленных резиденциях, а войска добивались решительных побед не часто. [**Субэтай**] испросил повеления, [учитывая] заслуги, дать ему применение. Поэтому было приказано повести войска за **Жуйцзуном**, который наводил порядок в **Хэнани**. Путь шел через **Ньютоугуань** (горная застава *Ньютоу*), где встретили **цинъюнского** полководца **Хэ Да** (кидань *Ваньянь Хэда – «Тунцзянь ганму»*), командовавшего несколькими десятками тысяч конных и пеших и давшего оборонительное сражение. **Жуйцзун** спросил,

каким способом овладеть [позицией], **Субэтай** сказал так: «Люди, сидящие за стенами, не привыкли к тяжкому труду, дадим им побольше потрудиться и посражаться, тогда сможем победить!» Войска были сосредоточены у горы **Саньфэншань** (букв. «Гора Трех пиков»), и **цзиньские** солдаты были охвачены несколькими кольцами окружения. Случилось так, что учинились великие ветер и снег, и их [**цзиньцев**] солдаты и командиры стали коченеть и валиться, войска [**монголов**], воспользовавшись этим, перебили и перерезали [их] почти полностью. От этого **цзиньская** армия была не в состоянии оправиться.

Летом [года] **жэнь-чэнь** (май – начало августа 1232 г.) **Жуйцзун** вернулся на квартиры в **Гуаньшань**, а **Субэтай** оставил руководить всеми делами армии, окружившей **Бянь** (г. *Кайфын* – столица *Цзинь*).

[В год] **гуй-сы** (с 11.02.1233 г. по 30.01.1234 г.) владетель **Цзинь** переправился через [**Хуан]хэ** и направился на север, [**Субэтай**] догнал и разбил его у горного хребта **Хуанлунган**, было обезглавлено более 10 000 человек. Владетель **Цзинь** снова направился на юг, к **Гуйдэфу**, а через некоторое время опять пошел к **Цайчжоу** (современный г. *Жунань* пров. *Хэнань* – последняя столица *Цзинь*). **Бянь** сдался, [**Субэтай**] захватил [**цзиньскую**] императрицу и других жен [**цзиньского** государя] с их драгоценностями и утварью, чтобы преподнести [императору], и отправился осаждать **Цайчжоу**.

[В год] **цзя-у** (с 31.01.1234 г. по 20.01.1235 г.) **Цайчжоу** был сокрушен, владетель **Цзинь** умер [от] самосожжения. Когда в **Бяньлянь** были надолго поставлены войска и из года в год был неуружай, люди поедали друг друга. **Субэтай** издал приказ, отпускаявший его [**Бяньляня**] население на север, чтобы переправиться через [**Хуанхэ**] для поиска пропитания.

[В год] **и-вэй** (с 21.01.1235 г. по 8.02.1236 г.) **Тайцзун** приказал **чжувану** (титул близкого родственника императора, эквивалентен «великому князю») **Бату** (в тексте *Ба-ду*, *Батый русских летописей*) пойти в Западный поход на **Ба-чи-мань** (*Бачман* – РД и *Джувейни*) и еще сказал так: «[Мы] услышали, что **Бачман** имеет ловкость и отвагу, **Субэтай** тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его». Поэтому приказал [**Субэтай**] быть в авангарде и сразиться с **Бачманом**, а затем еще назначил [его] командовать главной армией. После чего были захвачены жены и дети **Бачмана** на море **Куань-тянь-цзи-сы** (*Каспийское, разночтение с приведенным выше – Куань-дин-цзи-сы*). **Бачман** узнал о приходе **Субэтай**, сильно оробел и сбежал в море.

[В год] **синь-чоу** (с 13.02.1241 г. по 1.02.1242 г.) **Тайцзун** приказал **чжувану Бату** и прочим пойти карательным походом на владетеля племени **у-лу-сы** (урусы, т. е. русские) **Е-ле-бань** (вероятно, великий князь владимирский **Юрий Всеволодович**). Ему было нанесено поражение, город **Ту-ли-сы-гэ** (возможно, **Торжок**, но возможны и иные толкования) был окружен, но не взят. **Бату** подал доклад [императору], [чтобы] прислали **Субэтай** руководить сражением, **Субэтай** выбрал из **ха-би-чи** (монгольское *хавсігир* – «подвластный, находящийся под феодальным протекторатом», в причастной форме – *хавсі*) войско и пятьдесят с лишним человек [их] **це-лянь** (китайская транскрипция «кэрэл», искаженного монголами венгерского слова «кираль», т. е. «король», часть этих подчиненных монголам «королей», на самом деле племенных князьков, были мордвой – см. **Рубрука**, с. 110 и **Юлиана**, с. 85, о мордовских князьях в составе татар сообщают и русские летописи ПСРЛ, т. IX, с. 211 и ПСРЛ, т. XI, с. 27), которые усердно работали на него, в одном сражении взял (знак «хо» – взять, схватить, приобретать, заполучать и зарабатывать) **Е-ле-баня**. [**Субэтай**] выдвинулся [вперед], атаковал **Ту-ли-сы-гэ** и за 3 дня овладел им, полностью взял племя тех русских и вернулся. Проходя горы **Ха-ца-ли** (китайская транскрипция «Хазар», т. е. Хазарские горы, имеются в виду так называемые «Русские ворота», или **Верецкий перевал** – см. «Татаро-монголы в Азии и Европе», с. 218), напали на владетеля племени **ма-чжа-эр** (мадьяры, т. е. венгры) – короля (в тексте «це-лянь», т. е. транскрипция слова «кэрэл» или «кираль», «король» по-венгерски, в ЮШ оно принимается за имя). **Субэтай** был в авангарде, вместе с **чжуваном Бату**, **Сюй-ли-у** (по **Джувейни** под началом **Бату** в Западном походе участвовали его братья, в том числе **Хорду**, **Тизенгаузен**, т. II, с. 22, или **Орду** в других источниках; здесь есть два возможных объяснения: 1) это **Хулагу/Хулэгу**, который в цзюани 107 передан как **Сюй-ле-у**, но по другим известиям **Хулагу** не участвовал в этом походе; 2) возможна описка компиляторов или переписчиков, так как знак «сюй» похож на знак «ху», и, таким образом, транскрипция в первоисточниках представляла имя «Ху-р-уд», т. е. «Хорду»), **Си-бань** (**Шейбан**, **Сыбан** у **Плано Карпини**) и **Ха-дань** (**Кадан**), которые продвигались по отдельным пяти дорогам. Все говорили так: «Войско короля исполнено силы, не сможем легко продвигаться». **Субэтай** выдвинул отличный план – заманить его [короля] войско к реке **Ко(хо)-нин**.

Войска **чжувана** находились в верхнем течении, [где] мелководье и лошади могут перейти вброд, кроме того, посередине имелся мост. В нижнем течении вода глубокая, **Субэтай** хотел связать плоты для скрытной, подводной, переправы, выводящей в обхват врага сзади. Не [дождавшись] переправы, **чжуван** первым перешел вброд реку для сражения. Войско **Бату** стало бороться за мост, но вместо того чтобы воспользоваться [им], из латников утонул каждый тридцатый вместе с его [Бату] подчиненным военачальником **Ба-ха-ту** (*Bohetor u Rogeriуса, венгерского хрониста, очевидца событий и бывшего в плену у монголов, видимо, имеется в виду Бахадур – сын Шейбана и племянник Бату по РД, т. II, с. 74, косвенно подтверждают это слова Бату «мой Бахату» ниже в тексте*). Сразу после переправы **чжуван**, ввиду увеличивающегося числа врагов, захотел потребовать возвращения **Субэтая**, с запозданием рассчитывая на него. **Субэтай** сказал так: «**Ван** желает вернуться – [пусть] сам возвращается. Пока я не дойду до города **Ма-ча** (*вероятно, Пешт, как главный город мадьяр или «ма-ча» в тексте*) на реке **Ту-на** (*Дунай*) – не вернись!» – и помчался к городу **Ма-ча**. **Чжуван** тоже пошел [к городу], затем атаковал, захватил его и вернулся назад. **Чжуван** (*т. е. Бату*) пришел на соединение и [там] **Бату** сказал так: «Во время дела на реке **Ко(хо)-нин** **Субэтай** опоздал помочь, погиб мой **Бахадур**». **Субэтай** ответил так: «**Ван** хотя знал, что в верхнем течении мелководье, все равно завладел мостом, чтобы переправиться и сразиться, не узнав, что я в нижнем течении [еще] не завершил связывание плотов. А сегодня знай себе говорит – я опоздал, и думает, что именно в этом причина». Тогда **Бату** тоже уяснил [дело]. Позже, на большом сборище, пили кобылье молоко и виноградное вино. Говоря про события во время похода на короля, сказали так: «Все, что захватили в то время, – это заслуга **Субэтая!**»

[В год] **жэнь-инь** (с 2.02.1242 г. по 21.01.1243 г.) **Тайцзун** почил.

[В год] **гуй-мао** (с 22.01.1243 г. по 9.02.1244 г.) был великий сбор всех **ванов**, **Бату** пожелал не отправляться [туда]. **Субэтай** сказал так: «Великий **ван** во всем роду старший, как можно не отправиться?»

[В год] **цзя-чэнь** (с 10.02.1244 г. по 29.01.1245 г.) последовал сбор на реке **Е-чжи-ли**.

[В год] **бин-у** (с 19.01.1246 г. по 6.02.1247 г.) взшел на престол **Динцзун** (*Гуюк, сын Угэдэя*). Сразу после **курултая** (*в тексте букв. «собрание династии»*) [**Субэтай**] вернул семью в верховья реки **Туула**.

[В год] **у-шэнь** (с 28.01.1248 г. по 15.01.1249 г.) [**Субэтай**] умер, [было] лет – 73. [Он] был посмертно пожалован званиями: «**Сяо-чжун сюань-ли цзо-мин гун-чэнь**» («Верно и старательно отдававший все силы в помощи царствующим императорам – заслуженный сановник»), его превосходительство «**Итун саньсы**» (высший ранг сановника – букв. «равен **саньсы**», где «**саньсы**», или **три гуна**, означают трех высших министров императора – **сыма, сыку и сыту**) и «**Шанчжуго**» (высшее почетное звание для сановника – букв. «высшая опора государства»), посмертно возведен в ранг **Хэнаньского вана**. [Его] посмертное почетное имя – «**Чжун-дин**» (т. е. «Твердый в верности»). Имел сына **У-лян-хэ-тай** (*Урянхатай, или Урянхадай. – РД*).

Из второго жизнеописания Субэдэя в 122-й цзюани, уточнения и дополнения к первому жизнеописанию

Субэтай в качестве сына-заложника унаследовал звание [брата] (в тексте не сказано, чье звание, но по цзюани 121 восстанавливается, что брата сотника, так как там сказано, что он «стал сотником»).

В 18-м году [правления **Чингис-хана**] (1223 г.) [**Субэтай**] отправился в карательный поход усмирить **кипчаков**. [Он] имел кровопролитнейшее (в тексте букв. «резня, побоище») сражение с русскими, со старшим и младшим **Ми-чи-сы-лао** (киевский **Мстислав Романович** и черниговский **Мстислав Святославич**) и покорил их. [**Субэтай**] подал доклад трону, чтобы «тысячи» из обоков **меркитов, найманов, кирей, канглы и кипчаков** сошлись в единую армию (тут почти текстуальное совпадение с первой биографией, кроме того что в цзюани 121 сказано о согласии **Чингис-хана** с докладом).

В 13-м году [правления **Угэдэя**] (1241 г.) [**Субэтай**] ходил карательным походом на главу русского племени **Е-ли-бань** (**Е-ли-бань**, отличается от **Е-ле-бань** в цзюани 121) и схватил его. [**Субэтай**] напал на племя **ма-чжа** (мадьяр, в цзюани 121 более полное название – «**ма-чжа-эр**»), он сразился у реки **Хо-нин** (вариант – **Ко-нин**) с их главарем королем («**це-лянь**»). [**Субэтай**] послал часть войск (или фланг войска) от низовьев реки напасть на их [мадьяр] город и захватил его. В то время в Северных землях (т. е. севернее главного

юрта, родовых земель Чингис-хана, – в тексте использовано выражение букв. «севернее дома/двора»), в Западном крае (китайское название Туркестана и стран западнее его), к северу и югу от [Хуан]хэ, в Гуаньлуэ (в Северо-Восточном Китае) – всюду успокоилось, [что] во многом было заслугой и успехом Субэтай.

Первоначально, когда Тайцзу был в походе на Си Ся (Тангут), он обеспокоился его [Субэтай] долгим нахождением в рядах войска и высочайше повелел вернуться и посетить аудиенцию (в тексте букв. «посещать и представляться императору на аудиенции», вероятно, тут описка – вместо «посещать родных», так как в цзюани 121 говорится о заботе Чингис-хана насчет посещения Субэдэем именно родителей). Субэтай ответил так: «Господин поощряет недостойного слугу, чью старательность не надо содержать в праздности». Император одобрил [это] и прислушался к его [словам]. Цзиньский полководец Хэ Да был опять пленен (в цзюани 2 сообщается, что в марте 1232 г., при взятии Цзюньчжоу, Ваньянь Хэда попал в плен), но пока [его] еще не предали казни, [он] спросил, где находится Субэтай и просил разрешить задать тому один вопрос. Субэтай вышел [к нему] и сказал так: «Тебе осталось жить мгновение (букв. «ты уже человек мгновения»), чего хочешь от меня узнать?» [Тот] ответил так: «Подданный (Ваньянь Хэда говорит в возвышенном стиле, причем униженно о себе) тоже отдал все служению своему господину, но Вы отвагой превосходите всех полководцев. Небо породило героя, с которым я нечаянно встретился! Я увидел Вас и могу с легкой душой смежить веки!»

В 3-м году [правления] Динцзуна (1248 г.) [Субэтай] умер в местах реки Дуле, лет [ему] было – 70 и 3.

Жизнеописание Исмаила

Ц з ю а н ь 120

Хэ-сы-май-ли (Исмаил), человек из гу-цзэ-во-эр-до (орда гузов, по мнению П. Пельо и В. В. Бартольда – это Семиречье, принадлежавшее тогуз-огузам) Западного края. В начале был приближенным слугой у ко-эр-хана (т. е. гур-хана) Западного Ляо (государство кара-китаев). Потом был правителем Кэ-сань (Касан, в районе Урусшаны и Ферганы) и Ба-сы-ха (Ахсикет), которые принадлежали гу-цзэ-во-эр-до (вероятно, речь идет о Баласагуне, см. Бартольд, т. I, с. 469). [Когда] Тайцзу

(храмовое имя Чингис-хана при династии Юань) был в **Западном походе**, **Исмаил** командовал начальниками (в тексте «цю» – презрительное к инородцам, «атаман, главарь») городов **Касан** и прочими, [он] вышел навстречу и сдался [**монголам**]. Главный полководец **Чжэбэ** (в тексте «Чжэ-бо», разночтение со стандартным «Чжэбе» в цзюани 1) запросил о нем, император приказал **Исмаилу** быть авангардом у **Чжэбэ**. [Он] атаковал **найманов**, покорил их и обезглавил их господина **Кучулука** (*Кучлук-хана*). **Чжэбэ** приказал **Исмаилу** взять голову **Кучулука** и обойти с нею все его земли. И тогда в городах **Кэ-ши-ха-эр** (*Кашгар*), **Я-эр-цянь** (*Яркенд*) и **Во-дуань** (скорее всего, *Хотан* – тоже относится к владениям *Кучлук-хана* и фонетически возможная транскрипция) все те, кто держали нос по ветру (букв. «ждать ветра» – идиома, означающая карьеристов и тщеславных людей), принесли покорность и присоединились [к монголам]. К этому надо добавить, что [когда] **Исмаил** последовал [за **Чингис-ханом**] в поход на город **Ни-ша-бу-эр** (*Нишанур*), [он] уговорил его сдаться. Император лично отправился в поход на **Би-ми-сы-гань** (*Бимиджкент в Бухарском оазисе*) и с его господином **Джелал ад-Дином** сразился в местности **Юэ-лянь-цзе-чи** (*Ургенч*) и разбил его. Преследуя его, внезапно напали на **Джелал ад-Дина** и прочих у города **А-ла-хэй** (видимо, горная крепость *Ардахн*, где были взяты 10 сундуков с казной хорезмшаха). Сражались у гор **Ту-ма-вэнь** и опять разбили его. Преследуя, дошли до западных укреплений города **Хань-янь** и снова нанесли им поражение. **Джелал ад-Дин** сбежал в море (в описании смешаны события преследования отца **Джелал ад-Дина** хорезмшаха *Мухаммеда*, с которым он был вместе некоторое время). **Исмаилу** достались его драгоценности и богатства, ввиду чего [он] вернулся. Были взяты города **Юй-эр-гу** и **Дэ-хэнь-лян**, вслед за тем пал также город **Хань-янь**. Император направил гонца поторопить **Чжэбэ**, чтобы он поспешил с карательным походом на **кипчаков**. Было приказано **Исмаилу** довести указы императора городам **Цюй-эр-тэ** (возможно, имеется в виду грузинская область *Картли*), **Ши-эр-вань-ша** (*Ширван*) и прочим, которые все покорились. Дошли до племени **гу-эр-чжи** (*грузины*) и племени **а-су** (*ясы-аланы*), ввиду враждебности и сопротивления [их] войск, сразились со всеми, разбили и покорили. Кроме того, склонили к сдаче город **Хэй-линь** (букв. «Черный лес», может быть, это *Карабах*, имеющий сходное значение по-тюркски). Напали на **русских** в горах **Те-эр**

(букв. «Железные»), покорили их, захватили главу их государства **Метислава** (в тексте «Ми-чжи-сы-ла», отличается от «Ми-чи-сы-лао» в цзюани 121, «Жизнеописание Субутая»). **Чжэбэ** приказал **Исмаилу** представить его перед царевичем-наследником **Джучи** (в тексте «Шу-чи», разночтение с «Чжу-чи» в цзюани 1) и [потом] его казнили. Продолжая поход на **кан-ли** (**канглы-печенеги**), дошли до города **Бо-цзы-ба-ли** («бали» – это транскрипция тюркского слова «балык», т. е. «город», возможно, имеется в виду Булгар-Болгар – транскрипция «бо-цзы» передает «бол-кы/гы»), сразились с их главой **ханом Хо-то-сы**. Кроме того что разбили его войско, продвинулись к **кипчакам** и также усмирили их. По возвращении войска **Чжэбэ** умер. Случилось так, что император самолично отправился в поход на **Хэ-си** (**Тангут**), **Исмаил**, держа в руках захваченные драгоценности и многоценный (букв. «семи драгоценностей», в переносном значении – «очень ценный») зонтик, приветствовал [**Чингис-хана**] на аудиенции в **А-ла-сы-бу-ла-сы** (**Алсы-булах**, «булах» – урочище). Император, оглядев всех сановников, сказал так: «**Чжэбэ** часто говорил о заслугах **Исмаила**, и хоть его тело маленькое, зато слава – весьма большая». Закончив [речь], всеми принесенными драгоценностями, сообразно его [**Исмаила**] усилиям в победах, [**Чингис-хан**] одарил его. Почему и указал [**Исмаилу**] вместе с **Би-чэ-у-эр** быть **битекчи** (в тексте «бичжэчи» – транскрипция монгольского слова, букв. «писец», доверенный чиновник монгольских ханов, или по-тюркски «бас-как»). Немного погодя, **Исмаил** подал доклад [о том, что] в прошлом он уговорил воинов, стоявших в городе **И-ба-ли**, присоединиться [к монголам], и следует дать ему указ сопровождать в свите императора в походе на **Хэ-си** (**Си Ся**, **Тангут**). [**Чингис-хан**] согласился с ним и приказал [ему] постоянно быть в ближнем окружении. Когда дошли до **Е-цзи-ли-хай-я** (**Егригайя**, **Еригай**, **Нинся** или **Иньчуань** – это **Чжунсин**, столица **Си Ся**), то опять покарали и усмирили **Ши-дэ-эр-вэй** (**Шидурку** – тангутский князь **Наньпин ван Сянь**). **Исмаил** последовал за **Тайцзу** в поход на **Бянь** (**Кайфын**, последняя столица **Цзинь**), дошли до **Хуай-мэн**, и было приказано [**Исмаилу**] ведать делами войсковых станов (в тексте «аолу», китайская транскрипция монгольского слова «a'игиг» – «стан»). Император (т. е. **Угэдэй**, в цзюани 2 это событие датировано 17 февраля 1232 г.) из **Бай-по** переправился через **Хуанхэ**, соединился с войсками **Жуйцзуна** (т. е. **Толуя**), атаковал **цзиньского** полководца **Хэ Да**

(кидань Ваньянь Хэда) и разбил его. [Потом] вернулись на постой при реке **Цзиньляньчуань**.

[В год] **жэнь-чэнь** (с 24.01.1232 г. по 10.02.1233 г.) [Исмаил] получил назначение быть **даругачи** (в тексте «далухуачи», транскрипция монгольского слова **даругачи**, т. е. уполномоченный высший чиновник над администрацией покоренных земель, «правитель» или «губернатор») **Хуаймэн-чжоу**, носил золотую **пайцзу**.

[В год] **гуй-сы** (с 11.02.1233 г. по 30.01.1234 г.) **цзиньский** генерал **Цян Юань** привел войска и окружил **Хуай[-мэн-]чжоу**, **Исмаил** командовал своими людьми вместе с **Си-ли-ци-сы**, блокировал [**цзиньцам**] проход к **Ла-хай** и прочим [местам], всеми силами сражался, и **цзиньское** войско отступило. Опять послали **Пуча Ханьну** [как] **цишиле-чжалу** («чжалу» – транскрипция «jarlik», т. е. ярлык-указ, по-видимому, **Пуча Ханьну** был глашатаяем, доводящим до населения указы-ярлыки) объявить императорский указ **цзиньскому** верховному командующему войсками **Фань Чжэню** скомандовать своим подчиненным, как воинам, так и гражданским, [всего] десятку с лишним тысяч человек, прибыть с покорностью.

В шестой луне года **ци-хай** (3–31 июля 1239 г.) император, ввиду того что **Исмаил**, будучи с войском в **Западном крае**, отдавал все силы и внес большой вклад, приказал старшему сыну [**Исмаила**] **Не-чжи-би-си** быть **даругачи Хуаймэн**, другому сыну **Ми-ли-ци-си** – быть **битекчи**, а самому **Исмаилу** велено быть **яргучи** (в тексте «чжалухочи», транскрипция монгольского слова **джаргучи/яргучи**, букв. «судья») и вернуться в **Западный край**. Главнокомандующий (**тайшуай**) **Чаган** и наместник провинции **Те-му-да-эр** (**Темудар – турхаут Угэдэя**, СС, с. 196) прислали доклад [с просьбой] оставить его, император дал согласие на эту просьбу.

[В год] **гэн-цзы** (с 26.01.1240 г. по 12.02.1241 г.) [Исмаил] был выдвинут в **даругачи Хуаймэна** и еще 28 крупных городов **Хэнани**, там, где в областях и округах учет велся не согласно эдиктам, [он] приказал составить реестр их домохозяйств.

В пятой луне [года] **и-мао** (6 июня – 5 июля 1255 г.) [Исмаил] умер.

Сын [Исмаила] **Ми-ли-ци[-си]** тоже стал **даругачи Хуай-мэн**. В 3-й год **Чжунтун** (1262 г.) [он] проследовал в поход к

западу от **Хуай[хэ]** (река Хуайхэ в провинциях Аньхуй, Хэнань и Цзянсу) и погиб в сражении с сунцами.

Жизнеописание Аньмухая

Цзюань 122

Ань-му-хай (*Аньмухай*), монгол из рода **баргутов** (в тексте «ба-ла-ху-...», с пропуском конечного иероглифа, соответствует *бархун* в СС и *баргут* в РД), вместе со [своим] отцом **Бохэчу** вдвоем служили **Тайцзу** и в боевых походах имели заслуги. Император расспрашивал [его] о способах нападения на крепостные стены, захвата вражеских земель и какое оружие [надо применять] прежде всего, [**Аньмухай**] отвечал так: «Нападение на крепостные стены проводится прежде всего через [удары] камнями каменетов, потому что [их] сила велика и действует на дальние расстояния». Император был доволен и тут же приказал [**Аньмухаю**] сделаться каменетчиком.

В год *цзя-стой* (с 12.02.1214 г. по 31.01.1215 г.) **тайши гован Мухали** (наместник Чингис-хана в Северном Китае) шел в поход на юг, император дал ему указание, сказав так: «**Аньмухай** рассказывал, что стратегия использовать каменеты для нападения на укрепленные города очень хорошая. Ты можешь назначить его на должность и [если] какой-то город нельзя разрушить, то сразу же давай ему золотую пайцзу и посылай в соответствующем направлении в качестве даругачи каменетчиков». **Аньмухай** выбрал 500 с лишним человек, которых обучали [каменетному делу], и впоследствии наводил порядок во всех странах, только лишь опираясь на их силы.

Сразу после того как **Тайцзун** (*Угэдэй*) вступил на престол, он оставил [**Аньмухая**] в приближенных сановниках, что тот занимался обучением воинским искусствам (букв. «воинское мастерство»).

В год *жэнь-чэнь* (с 24.01.1232 г. по 10.02.1233 г.) [**Аньмухай**] участвовал в наступлении на [земли] южнее [**Хуан**]хэ и имел заслуги.

[В год] *жэнь-цзы* (с 12.02.1252 г. по 30.01.1253 г.) **Сяньцзун** (храмовое имя *Мэнгу-каана*) специально выдал [**Аньмухаю**] пайцзу с головой тигра, повысив в главнокомандующие (*дуюаньшуй*).

В год *гуй-чоу* (с 31.01.1253 г. по 20.01.1254 г.) [**Аньмухай**] участвовал в походе **цзунвана** (титул близкого родственника императора) **Сюй-ле-у** (*Хулагу-хан, брат Мэнгу-каана и Хубилая, см. раздел генеалогических таблиц «Бя», цзюань 107*) на племена,

находящиеся западнее [Хуан]хэ – западных варваров ла-ли, тао-ли с гор Доуцзюй и прочих, которые все сдались ему. [Аньмухай] умер, [его] сын Те-му-тай-эр (*Тэмутар*) за заслуги в сражениях получил золотую пайцзу и унаследовал управление каменеметчиков («паошоу цзунгуань», где знак «гуань» – «казенное учреждение, приказ» – может указывать на то, что каменеметчики были сведены под начало специального приказа/управления).

Дополнения

Из цзюани 2 «Основных записей» – правление Угэдэя и Гуюка

Весной года *и-вэй* (6 февраля – 4 мая 1235 г.), 7-го [от установления правления], были возведены стены города **Хэлинь** и строился исключительно совершенный дворец. [Угэдэй] отправил *чжувана Бату* вместе с сыном императора **Гуюком** и сыном императорского брата **Мэнгу** в поход на западные страны, [отправил] царевича **Ко-дуань** (**Кодан**, второй сын Угэдэя) пойти походом на **Цинь** (*т. е. Шэньси*) и **Гун** (*совр. уезд Гунсянь в пров. Хэнань*), а сына императора **Цюй-чу** (**Кучу**, сын Угэдэя) вместе с **Хутуху**[-нойоном] – воевать **Сун**, [и отправил] **Тан-гу** – в поход на **Корею**.

Весной года *дин-ю* (6 февраля – 4 мая 1237 г.), 9-го [от установления правления], [Угэдэй] охотился в озерах при **Цзецзечаха**. **Мэнгу** ходил походом на **кипчаков**, разбил их и схватил их главу **Бачмана**.

Весной года *цзи-хай* (6 февраля – 5 мая 1239 г.), 11-го [от установления правления], [Угэдэй] снова охотился в озерах при **Цзецзечаха**. Войско царевича **Кодана** достигло реки **Цзыси**... Зимой, в одиннадцатой луне (27 ноября – 26 декабря), войска под командой **Мэнгу** окружили город **асов Мецесы** и через 3 месяца захватили его.

Весной, в начальной луне года *гэн-цзы* (26 января – 24 февраля 1240 г.), 12-го [от установления правления], [Угэдэй] поставил **Абдурахмана** служить начальником управления по сбору налогов. Царевич **Гуюк** овладел всеми несдававшимися областями **Западного края** и прислал гонца с докладом о добыче... Зимой, в двенадцатой луне (15 декабря 1240 г. – 13 января 1241 г.), [Угэдэй] дал указ **Гуюку** отозвать войска [для отдыха и пополнения].

На рассвете [дня] **синь-мао** (31 декабря 1241 г.) император по-чил в походном дворце. Находился на престоле 13 лет. [Его] дол-голетие – 50 и 6 [лет]. [Угэдэй] был погребен в ущелье (*Угэдэй умер на исходе 1241 г., весть о его смерти могла прийти в Европу не ранее весны 1242 г.*).

(*Вводная статья о начале правления Гуюка*): Еще он участво-вал в западном походе **чжувана Бату**, потом в пределы **асов** (*алан*). [Он] атаковал и окружил горное укрепление **Муч-жа(шань)**, где сражался тридцатью с чем-то войнами, император был там вместе с **Сяньцзуном** (*т. е. с Мэнгу-кааном*).

Из цзюань 3 «Основных записей» – правление Мэнгу-каана

[Мэнгу] участвовал в походах и боях и неоднократно совершал удивительные подвиги. Однажды [он] напал на племя **кипчаков**, а их главарь **Бачман** убежал на остров в море. Император узнал [об этом] и поспешил двинуть войска, чтобы прийти в его земли. Как раз в это время задул сильный ветер, воды моря ушли, и его мелководье можно было перейти. Император обрадованно сказал так: «Так Небо открывает путь для меня!» Поэтому [Мэнгу] пере-шел в наступление, перебил весь тот народ и схватил **Бачмана**, приказав [держат] его коленапреклоненным. **Бачман** сказал так: «Я – государь страны, и разве стал бы любыми путями ис-кать спасения? Мое тело не имеет горба и разве от стояния на ко-ленях он появится?» [Мэнгу] тогда приказал посадить его в тюрь-му. **Бачман** сказал охранявшему [его] так: «Я спрятался в море, от рыб не отличишь, однако в конце концов был пойман – Небо [так решило]! Сегодня уже подошел срок вернуться воде, войско должно быстрее возвращаться». Император послушался его и ото-звал войска, но вода уже подошла, и последние войска переправ-лялись вплавь. Еще [Мэнгу] вместе с **чжуваном Бату** ходил в по-ход на племя **русских**, дошел до города **Е-ле-цзань** (*вероятно, Ря-зань, ср. «Арпан» у РД, т. II, с. 38*), самолично сражался вруко-пашную и сокрушил его [город].

Из жизнеописания Урянхатая, сына Субэдэя (ц з ю а н ь 121)

В год [гуй]-сы (с 11.02.1233 г. по 30.01.1234 г.) [Урянхатай] руководил войсками, последовавшими за Динцзуном в поход на Нюй-чжэнь-го (государство Цзинь), сокрушил Ваньну (Пусянь Ваньну, государь эфемерной империи Дун Ся в Ляодуне, см. ЮШ, цзюань 1, запись о годе и-хай, ноябрь 1215 г.) в Ляодуне. [Урянхатай] участвовал со вспомогательным [войском] вместе с чжуваном Бату в походе на все племена кипчаков, русских, алан (в тексте просто «а», пропущен знак «су» в названии алан-асов) и бо-ле-эр (булгары, арабское «болар», см. ал-Гарнати).

[В год] бин-у (с 19.01.1246 г. по 6.02.1247 г.) [Урянхатай] снова участвовал с Бату в карательном походе на племена болгар (в тексте «бо-ле-эр-най», добавлен знак «най» к предыдущей транскрипции названия болгар) и не-ми-сы (вероятнее всего, какой-либо народ Поволжья, возможно, черемисы) и усмирил их.

Из жизнеописания Сюэ Талахая (цзюань 151)

Сюэ-та-ла-хай (Сюэ Талахай – это не китайское имя, а, скорее, транскрипция чжурчжэньского) – это человек из Янь (пров. Хубэй или, более узко, область г. Пекина). [Он] был решительным воином, обладавшим [честолюбивыми] помыслами.

[Сюэ Талахай] неоднократно имел заслуги и был выдвинут в гуанлу дафу (высший сановник 1-го ранга) с золотой печатью и пурпурным шнуром и носил на поясе бирку с тигриной головой (знак военачальника) в качестве главнокомандующего над войском из камнеметчиков и моряков, а также мастерами из всех иноземных народов, с правом полномочно вести дела. [Сюэ Талахай] участвовал в походах на все государства: мусульман, Хэ-си (Тангут), кипчаков, уйгур, канглы, найман, А-лу-хо (возможно, это г. Балх), Ху-чань (возможно, это г. Хотан в Восточном Туркестане), Те-ли-ма (г. Термез) и Сай-лань (по Чан Чуню, это г. Сайрам, или Исфиджаб по Мукаддиси, город в нижнем течении Сыр-Дарьи – см. Бартольд, т. I, с. 32), где всюду отличился через использование камнеметов (любопытно, что камнеметы использовались и в «стране кипчаков», видимо, Сюэ Талахай участвовал в походе на Русь или в Волжскую Булгарию).

Приложение II

ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема I. Источники по истории монгольского нашествия на Русь

1. Общий обзор источников по истории монгольских завоеваний.
2. Русские летописи и памятники древнерусской литературы.
3. Восточные источники – монгольские, китайские, арабские и персидские.
4. Западноевропейские источники.
5. Данные археологии и других вспомогательных исторических дисциплин.

(Источники: 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 25, 26, 27, 29. Литература: 2, 47, 48, 49, 59, 61, 80. См. Библиографию.)

Тема II. Монгольские завоевания в XIII в.

1. Образование Монгольской империи.
2. Организация монгольского войска.
3. Военное искусство монголов.
4. Завоевательные походы монголов в Китае и Средней Азии.
5. Монгольские военачальники.

(Источники: 2, 5, 8, 25, 26, 27. Литература: 1, 7, 9, 10, 19, 30, 46, 47, 65, 70, 73, 82.)

Тема III. Подготовка к монгольскому нашествию на Русь

1. Данные источников о численности и составе монгольской армии.
2. Монгольский поход 1222–1224 гг. и битва на реке Калке.
3. Завоевание монголами Волжской Булгарии, половецких и аланских земель.

4. Сведения о монголах, проникавшие на Русь и в страны Центральной и Западной Европы.

(Источники: 1, 2, 5, 12, 27, 29. Литература: 8, 11, 32, 33, 47, 58, 66, 70.)

Тема IV. Поход хана Батыя на земли Северо-Восточной Руси

1. Завоевание монголами Рязанского княжества.
2. Разорение городов Владимиро-Суздальского княжества.
3. Битва на реке Сити и осада монголами Торжка.
4. Отступление монголов и его причины.
5. Осада монголами Козельска и борьба русского народа против завоевателей.

(Источники: 9, 11, 13, 14, 27, 29. Литература: 13, 15, 16, 29, 32, 33, 52, 54, 56, 70, 80, 87.)

Тема V. Монгольское нашествие на княжества Юго-Западной Руси

1. Завоевание монголами Переяславского и Черниговского княжеств.
2. Осада и взятие Киева.
3. Разорение монголами земель Галицко-Волынского княжества.
4. Вторжение монголов в Польшу и Венгрию.
5. Смерть великого хана Угедея и отступление монголов.

(Источники: 3, 7, 11, 15, 25, 27, 29. Литература: 16, 18, 24, 32, 33, 34, 40, 41, 55, 56, 70, 72, 80, 83.)

Тема VI. Последствия монгольского нашествия для развития русских земель

1. Свидетельства современников о «Батыевом погроме».
2. Данные археологии и других вспомогательных исторических дисциплин о последствиях нашествия.
3. Образование Золотой Орды.
4. Политика монгольских ханов на Руси в середине XIII в.
5. Значение героической борьбы русского народа против монголо-татарских завоевателей.

(Источники: 3, 9, 11, 13, 14, 15, 25. Литература: 8, 13, 14, 16, 22, 33, 43, 44, 45, 54, 56, 59, 61, 63, 67, 70, 71, 80, 84.)

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

Примерный перечень

1. Обзор источников по истории монгольских завоеваний.
2. Русские летописные своды о монгольском нашествии.
3. Произведения древнерусской литературы, повествующие о монгольском завоевании: «Поучения епископа Серапиона», «Житие Александра Невского» и др.
4. «Сокровенное сказание» – первый памятник монгольской литературы и источник по истории монгольских завоеваний.
5. «Юань ши» – хроника правившей в Китае монгольской династии Юань.
6. Восточные источники о монголах: Рашид ад-Дин, Джувейни, Ибн ал-Асир и другие.
7. Записки о монголах западноевропейских путешественников: Иоанна де Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло.
8. Организация монгольского войска.
9. Вооружение монгольских воинов по данным письменных источников, археологии и памятников средневекового изобразительного искусства.
10. Военное искусство монголов, их стратегия и тактика.
11. Методы ведения крепостной войны.
12. Монгольские военачальники. Биография Субедея.
13. Завоевательные походы монголов в Китае и Средней Азии.
14. Поход войск Субедея и Джебе в Восточную Европу в 1222–1224 гг.
15. Битва на реке Калке 31 мая 1223 г.
16. Великий курултай 1235 г. и программа монгольских завоеваний.
17. Подготовка похода на Русь и в другие страны Восточной Европы.
18. Сведения источников о численности и составе монгольского войска.
19. Покорение монголами Волжской Булгарии, половецких и аланских земель.
20. Завоевание Рязанского княжества. Битва под Коломной.

21. Нашествие на земли Владимиро-Суздальского княжества. Взятие монголами Москвы, Суздаля, Владимира и других русских городов.

22. Битва на реке Сити и гибель великого князя Юрия Всеволодовича.

23. Взятие Торжка. Отступление монголов весной 1238 г. и его причины.

24. Героическая оборона Козельска.

25. Завоевание монголами южнорусских княжеств – Переяславского и Черниговского.

26. Осада и взятие монголами Киева.

27. Поход на земли Галицко-Волынского княжества.

28. Монгольское нашествие на Польшу и битва при Легнице 9 апреля 1241 г.

29. Монгольское нашествие на Венгрию и битва на реке Шайо 11 апреля 1241 г.

30. Отступление монголов в 1242 г. и его причины.

31. Образование Золотой Орды и признание русскими князьями политической власти монгольских ханов над Русью.

32. Монгольская политика на Руси в середине XIII в.

33. Причины военного поражения русских княжеств в борьбе с завоевателями.

34. Свидетельства современников о последствиях «Батыева погрома».

35. Данные археологии и других вспомогательных исторических дисциплин о последствиях нашествия.

36. Значение героической борьбы русского народа против монголо-татарских завоевателей.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ..	5
Глава II. МОНГОЛЬСКАЯ АРМИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в. ..	19
Глава III. ПОДГОТОВКА К НАШЕСТВИЮ	27
Глава IV. НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ РУСЬ ..	45
Глава V. МОНГОЛЬСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНУЮ РУСЬ.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
БИБЛИОГРАФИЯ	80
Приложение I Походы монголов в Восточную Европу по данным «Юань ши»	85
Приложение II Планы семинарских занятий	104
Темы рефератов.....	106

Учебное издание

Жарко Сергей Борисович
Мартынюк Алексей Викторович

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РУСЬ

Учебное пособие

Редактор *А. А. Федосеева*
Художник обложки *Л. А. Стрижак*
Технический редактор *Г. М. Романчук*
Корректор *Я. Ф. Харько*
Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*

Подписано в печать 17.10.2003.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,28 + 0,24 цв. вкл.
Уч.-изд. л. 6,80 + 0,28 цв. вкл.
Тираж 150 экз. Зак.

Белорусский государственный университет.
Лицензия ЛВ № 315 от 14.07.2003.
220050, Минск,
проспект Франциска Скорины, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
Лицензия ЛП № 461 от 14.08.2001.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.